

БОЛЬШАЯ
ИЛЛЮСТРИРОВАННАЯ
СЕРИЯ

ВАЛЬТЕР СКОТТ

ВАЛЬТЕР СКОТТ

Квентин Дорвард

Иллюстрации:
КОНТ, ДЕЛОР, МАРИ, ПЕЛЛИСЕР,
ПИЙ, САБАТЪЕ, ТЭЙЛОР

Издательство
АЛЬФА-КНИГА
Москва
2018

УДК 821.161.1
ББК 84(Англ.)6-5
С44

Перевод с английского
М. Шишмаревой

Рисунок на переплете
С. А. Григорьева

Скотт Вальтер
С44 Квентин Дорвард / Пер. с англ. — М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА»,
2018. — 472 с.: ил.— (Большая иллюстрированная серия).

ISBN 978-5-9922-2594-5

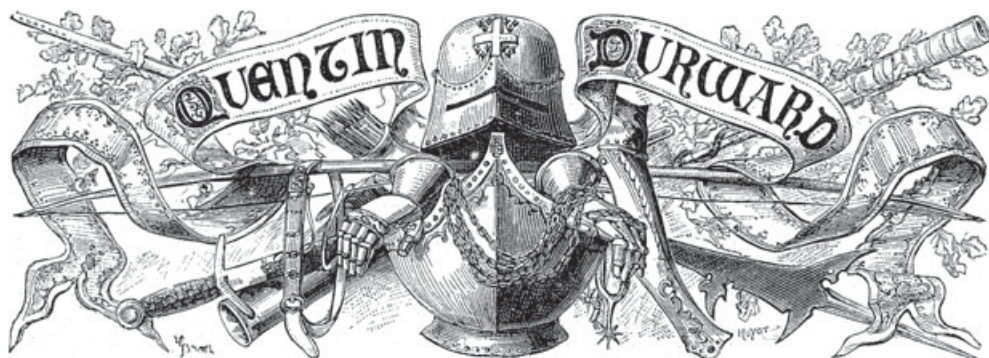
Квентин Дорвард — молодой шотландский дворянин, состоящий на службе у французского короля Людовика XI, оказывается в самом центре острейшей политической борьбы между королем Франции и герцогом Бургундским Карлом Смелым. Это угрожает ему многими опасностями, а любовь Квентина к молодой графине Изабелле де Круа, руки которой добиваются знатнейшие аристократы, еще более осложняет положение. Увлекательная интрига и исторически достоверное описание эпохи делают это произведение образцом исторического романа.

В настоящем издании полностью публикуется цикл из 156 иллюстраций, которые выполнили известные художники — Конт, Делор, Мари, Пеллисер, Пий, Сабатье и Тэйлор для парижского издания 1881 г.

УДК 821.161.1
ББК 84(Англ.)6-5

ISBN 978-5-9922-2594-5

© Художественное оформление,
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2018

Глава I КОНТРАСТ

Взгляните, вот портрет, и вот другой,
Искусные подобию двух братьев.

«Гамлет»

Вторая половина пятнадцатого столетия подготовила ряд событий, в итоге которых Франция достигла грозного могущества, с той поры не раз служившего предметом зависти для остальных европейских держав. До этой эпохи она была вынуждена отстаивать свое существование в борьбе с Англией, владевшей в то время лучшими ее провинциями, и только благодаря постоянным усилиям ее короля и беззаветной отваге народа ей удалось избежать окончательного подчинения иноземному игу. Но ей угрожала не только эта опасность. Ее могущественные вассалы, в особенности герцоги Бургундский и Бретонский, стали так пренебрежительно относиться к своим обязанностям феодалов, что при малейшем поводе готовы были восстать против своего государя и сюзерена — французского короля. В мирное время они самовластно управляли своими провинциями, при этом Бургундский дом, владевший цветущей Бургундской провинцией и лучшей, богатейшей частью Фландрии, был сам по себе настолько богат и силен, что ни в могуществе, ни в великолепии не уступал французскому двору.

Следуя примеру главнейших вассалов, каждый мелкий ленник старался отстоять свою независимость, насколько это ему позволяли расстояние от королевского двора, размеры его владений и неприступность

его замков и укреплений. Все эти мелкие деспоты, не считаясь с законом и пользуясь своей безнаказанностью, зверски угнетали своих подданных и расправлялись с ними с чудовищной жестокостью. В одной Оверни насчитывалось в то время более трехсот таких независимых дворян, для которых кровосмешение, грабеж и насилие были самым обычным делом.

Кроме всех этих бед, другой, не менее страшный бич — последствия многолетних войн между Францией и Англией — терзал эту несчастную страну. Многочисленные выходцы из соседних государств, собираясь в вооруженные шайки под предводительством избранных ими смелых и ловких искателей приключений, наводняли Францию. Это продажное воинство предлагало на любой срок свои услуги тому, кто больше за них заплатит; а в тех случаях, когда на них не было спроса, воевало за собственный страх и риск, захватывая замки и крепости, которые использовались как убежища, забирая в плен людей, чтобы получать за них огромные выкупы, облагая данью незащищенные селения и прилегавшие к ним земли; словом, своим поведением они вполне оправдывали данные им прозвища *tondeurs* и *écogcheurs*, то есть обирал и живодеров.

Наряду со всеми ужасами и несчастьями, вызванными бедственным положением государства, среди мелкопоместных дворян царили безумное мотовство и роскошь, которыми они щеголяли в подражание крупным феодалам, выжимая последние соки из обнищавшего, разоренного народа.

Отношение к женщине носило романтический, рыцарский характер, часто переходивший, однако, в полную разнузданность. Язык странствующего рыцарства еще не совсем вышел из употребления, внешние его приемы и формы еще сохранились, но чувство благородной, возвышенной любви и порожденная ею рыцарская доблесть почти исчезли и не скрашивали больше вычурности его оборотов.

Поединки и турниры, празднества и пиры, которые устраивались каждым, даже самым маленьким, феодальным двором, привлекали толпы искателей приключений во Францию, представлявшую такое широкое поле для безрассудной отваги и предприимчивости, не находивших применения в более счастливом отечестве всех этих авантюристов.

В ту эпоху, как будто для того, чтобы спасти прекрасную Францию от грозивших ей со всех сторон бед, на шаткий престол ее взошел Людовик XI, который, несмотря на свои отталкивающие личные качества, сумел понять и до некоторой степени пресечь и парализовать зло своего времени. Так, иные яды, как говорится в старинных медицинских книгах, могут обезвреживать друг друга.

Достаточно смелый, когда этого требовала выгода или политическая цель, Людовик не был романтичен по природе: в нем не было и искры

той благородной рыцарской отваги, которая гонится не столько за пользой и успехом, сколько за славой и честью. Расчетливый и хитрый, он прежде всего ставил свои личные интересы и умел ради них жертвовать не только своей гордостью, но и своими страстями. Он тщательно скрывал истинные мысли, намерения и чувства даже от своих приближенных и нередко говаривал: «Кто не умеет притворяться — тот не умеет и царствовать; что касается меня, то, узнай я, что моя шапка провела мои тайны, я в ту же минуту бросил бы ее в огонь». Никто — ни до него, ни после — не умел лучше подмечать слабости ближних и пользоваться ими для своих выгод, в то же время ловко скрывая от всех собственные недостатки и слабости.

Людовик был по природе мстителен и жесток до такой степени, что бесчисленные казни, совершавшиеся по его приказанию, доставляли ему истинное удовольствие. Он не знал ни милосердия, ни пощады в тех случаях, когда мог действовать безнаказанно; но вместе с тем никакая жажда мести не могла толкнуть его на безрассудный, необдуманный поступок. Он бросался на свою жертву только тогда, когда она была в полной его власти и не могла от него ускользнуть; и действовал всегда так осторожно, ловко и скрытно, что смысл его тайных происков становился понятен окружающим лишь после того, как он добивался своей цели.

Прирожденная скупость Людовика не мешала ему, однако, быть щедрым до расточительности, когда дело шло о том, чтобы подкупить какого-нибудь фаворита или министра враждебного ему государя и этим предотвратить грозившее ему нападение или разрушить подготавливаемый против него союз. Он любил чувственные наслаждения и всякие развлечения, но даже самые сильные его страсти — женщины и охота — не могли отвлечь его от строгого исполнения взятых им на себя обязанностей — от управления государством. Он был тонким знатоком человеческой природы, потому что никогда не чуждался частной жизни людей, к какому бы слою общества они ни принадлежали. И хотя он был высокомерен и заносчив, однако не признавал произвольного деления общества на высших и низших, чем вызывал глубокое возмущение знати, и не колеблясь доверял самые высокие посты людям, которых выбирал из самых низших слоев общества; правда, людей он умел выбирать и редко ошибался.

Но цельные характеры — большая редкость, и в этом хитром и одаренном государе уживались странные противоречия. Несмотря на все свое лицемерие и лукавство, Людовик иногда слишком слепо и опрометчиво полагался на прямодушие и честность других. Подобные промахи имели, по-видимому, своим источником слишком тонкую игру, побуждающую его иногда прикидываться и надевать личину неограниченного

доверия к тем, кого он хотел обмануть; обычно же он бывал так недоверчив и подозрителен, как ни один из властителей того времени.

Чтобы дополнить наш беглый набросок, укажем еще на две характерные черты этого страшного человека, сумевшего то ловкой политикой, то вовремя брошенной подачкой, то, наконец, жестокостью и крутыми мерами выдвинуться среди воинственных, суровых государей того времени и занять среди них место укротителя диких зверей, которые разорвали бы его на куски, если бы он не подчинил их своей власти.

Первая из характерных черт Людовика — это крайнее суеверие, бич, при помощи которого Провидение часто терзает людей, отказывающихся исполнять повеления религии. Людовик никогда не пытался успокоить преступную совесть, изменив хоть на волос свою макиавеллистскую политику, но тщетно старался заглушить муки раскаяния исполнением суеверных обрядов, строгим покаянием и щедрыми дарами, расточаемыми духовенству. Второй его чертой, которая, как ни странно, часто бывает неразлучна с первой, была страсть к низменным удовольствиям и тайному разгулу. Самый умный или, во всяком случае, самый хитрый из современных ему монархов, Людовик любил низменные наслаждения. Сам человек в высшей степени остроумный, он очень ценил находчивость и остроумие в своих собеседниках, что как будто плохо вяжется с его характером. Несмотря на крайнюю недоверчивость, он с удивительным легкомыслием пускался во всевозможные сомнительные похождения и любовные интриги. Страсть его к подобным развлечениям была так велика, что дала пищу для бесчисленных игривых и скандальных анекдотов, собранных и изданных отдельной книжкой, которая хорошо знакома библиофилам, в чьих глазах (ведь другие таких книг не читают) первое издание является наиболее ценным.

Итак, при посредстве этого осторожного и ловкого, но очень неприглядного государя Провидению угодно было возратить великой французской нации те блага государственного порядка, которые она почти утратила ко времени вступления Людовика на престол. Так часто Провидение заставляет служить на пользу людям не только теплый летний дождик, но и грозную, разрушительную бурю.

До своего вступления на престол Людовик успел обнаружить больше пороков, чем достоинств. Первая его жена, Маргарита Шотландская, пала жертвой клеветы придворных своего супруга; однако, если бы сам Людовик этого не поощрял, никто не осмелился бы сказать ни единого слова против доброй и несчастной государыни. Людовик был также неблагодарным и непокорным сыном: сначала он затеял тайный заговор против отца, а потом поднял против него открытое восстание. За первое из этих преступлений он был удален в собственное свое владение Дофинэ, где впервые показал себя искусным правителем, за второе — был оконча-

Людовик XI, король Франции

тельно изгнан за пределы государства и принужден чуть не из милости просить убежища у герцога Бургундского и его сына; он пользовался их гостеприимством до самой смерти отца, скончавшегося в 1461 году, и оплатил им впоследствии черной неблагодарностью.

В самом начале своего царствования он едва не был свергнут с престола лигой, заключенной против него сильнейшими вассалами Франции, во главе которых стоял герцог Бургундский, или, вернее, сын его — граф де Шаролэ. Предводители этой лиги собрали многочисленное войско, осадили Париж и под стенами столицы дали решительное сражение, исход которого чуть не погубил французскую монархию. Но, как это обыкновенно бывает, более ловкий из противников сумел присвоить себе если не славу и честь, то все выгоды, какие можно было извлечь из этого спорного сражения. Людовик, показавший редкую личную храбрость в битве при Монлери, сумел так ловко повернуть дело, что смело мог считать эту спорную битву своей победой. Он выждал время и, когда лига сложила оружие, стал так искусно сеять раздор между ее предводителями, называвшими себя Лигой всеобщего блага (хотя настоящей их целью было ниспровержение французской монархии), что лига распалась и никогда больше не возникала в прежних угрожающих размерах. С той поры Людовик, которому Англия не была больше страшна, потому что в ней самой шли в то время междоусобные войны между домами Йоркским и Ланкастерским, занялся оздоровлением своего государства: он, как искусный, но безжалостный врач, то уговорами, то огнем и мечом многие годы старался остановить распространение смертельной болезни, разъедавшей и подтачивавшей политический организм Франции. Он стремился положить предел разбою вольных вооруженных шаек и беззаконному своеволию дворян, и мало-помалу благодаря выдержке и настойчивости ему удалось укрепить королевскую власть и если не подавить совсем, то значительно ослабить своих могущественных вассалов.

Тем не менее французский король со всех сторон был окружен опасностями. Правда, членов Лиги всеобщего блага разъединяли раздоры, но она еще существовала и, как недобитая змея, могла ожить и сделаться по-прежнему опасной. Но наибольшая опасность грозила ему со стороны герцога Бургундского, одного из могущественнейших европейских государей, возраставшую силу и значение которого ничуть не умаляла его формальная зависимость от короля Франции.

Карл, прозванный Смелым (вернее было бы назвать его отчаянным, так как храбрость у него сочеталась с яростью и неистовством), владел в то время Бургундским герцогством и горел одним желанием: сменить свою герцогскую корону на независимый королевский венец. По характеру герцог Карл представлял полную противоположность Людовику XI.

Карл Смелый, герцог Бургундский

Спокойный, рассудительный и хитрый, Людовик никогда не пускался в рискованные предприятия, но зато и не отступал перед раз намеченной целью, если достижение ее было возможно хотя бы в самом отдаленном будущем. Герцог же, наоборот, очертя голову бросался в самые опасные предприятия, потому что любил опасность и не признавал никаких препятствий. Людовик никогда не жертвовал выгодой даже ради своих страстей; Карл ради выгоды не поступался не только своими страстями, но даже малейшей прихотью. Несмотря на узы близкого родства, несмотря на услуги, оказанные герцогом и его отцом Людовику, когда он был еще дофином в изгнании, они презирали и ненавидели друг друга. Герцог Бургундский презирал осторожную политику короля, приписывая природной трусости Людовика его манеру добиваться своих целей хитрыми подходами, подкупом и другими окольными путями, тогда как сам он всегда шел к своей цели с оружием в руках. Он ненавидел короля не только за его неблагодарность, за личные оскорбления и постоянную клевету, которой послы Людовика старались очернить Карла еще при жизни его отца, но больше всего за тайную помощь, которую Людовик оказывал недовольным гражданам Гента, Льежа и других больших городов Фландрии. Эти беспокойные города, крепко державшиеся своих привилегий и гордые богатством, часто открыто восставали против своих властителей, герцогов Бургундских, и всегда находили поддержку при дворе Людовика, который не упускал удобного случая посеять смуту во владениях своего могущественного вассала.

Людовик платил герцогу такой же ненавистью и презрением, но умел ловко скрывать свои чувства. Да и не мог такой глубоко пронизательный человек, как Людовик, не презирать той упрямой настойчивости, с которой герцог стремился к достижению своих целей, как бы губительны ни были для него последствия его упорства, точно так же как не мог не презирать его слепой и безрассудной отваги, не признававшей ни опасностей, ни преград. Впрочем, король не столько презирал, сколько ненавидел Карла, и его злоба и ненависть становились тем сильнее, чем больший страх внушал ему этот опасный противник; Людовик хорошо понимал, что нападение бешеного быка, с которым он любил сравнивать герцога Бургундского, всегда опасно, хотя бы животное нападало с закрытыми глазами. Его страшили не только богатство и могущество Бургундии, не только многочисленность воинственного и дисциплинированного населения герцогских владений — сам герцог, по своим личным качествам, был для него опасным врагом. Храбрый до безрассудства, щедрый до расточительности, окруживший себя и свой двор роскошью и блеском, Карл Смелый привлекал к себе самых отважных, самых пылких людей того времени, которых неудержимо влекло к нему в силу сходства

их характеров; и Людовик не мог не понимать, на что способны такие храбрецы под предводительством бесстрашного, неукротимого вожака.

Было и еще одно обстоятельство, усилившее вражду Людовика к его могущественному вассалу: герцог оказал ему некогда услугу, за которую Людовик и не подумал с ним расплатиться; он чувствовал себя в долгу перед ним, и это заставляло его не только быть сдержанным с герцогом, но иногда даже сносить вспышки его необузданного гнева и дерзости, оскорбительные для его королевского достоинства, причем он не мог обращаться с ним иначе как со своим «любезным кузеном Бургундским».

Около 1468 года взаимная ненависть двух великих государей достигла крайних пределов, вопреки заключенному ими между собой перемирию, правда временному и очень непрочному. Начало нашего рассказа относится именно к этой эпохе. Быть может, читатель найдет, что главное действующее лицо этой повести слишком незначительно по своему общественному положению и что для его характеристики не стоило выяснять взаимоотношения таких высоких и могущественных особ; но мы позволим себе напомнить, что нередко страсти, ссоры, вражда или мирные отношения великих мира сего сильно отражаются на участи окружающих людей, и надеемся, что из последующих глав каждому станет ясно, как важно все сказанное в этой первой, вступительной главе для правильного понимания многих событий в жизни нашего героя.

Глава II ПУТНИК

Я мир, как устрицу, мечом своим открою.

Лейтенант Пистоль

В одно прелестное летнее утро, в тот час, когда солнце жжет еще не слишком сильно, а освеженный росой воздух наполнен благоуханием, молодой человек, державший путь с северо-востока, подошел к броду через небольшую речку, или, вернее, широкий ручей, впадающий в Шер, близ королевского замка Плесси-ле-Тур, многочисленные мрачные башни которого возвышались вдали над обступившим его густым лесом. В этой лесистой местности находился la noble chaise, или королевский охотничий парк, обнесенный оградой, называвшейся на средневековой латыни plexitium, от чего многие французские деревни получили название Плесси. В отличие от них замок и деревня, о которых здесь идет речь, назывались Плесси-ле-Тур, так как находились в двух милях к югу от большого красивого города Тура, столицы древней Турени, богатые равнины которой по праву назывались садом Франции.

На противоположном берегу ручья, к которому приближался путник, стояли два человека; издали казалось, что они поглощены серьезным разговором, но на самом деле они следили за каждым движением приближавшегося юноши, которого давно уже заметили, ибо находились на более высоком берегу.

Молодому путешественнику можно было дать не более девятнадцати-двадцати лет; его лицо и весь облик сразу располагали в его пользу, хотя и было видно, что он не местный житель, а чужестранец. Короткий серый камзол и штаны были скорее фламандского, чем французского покроя, а шегольская голубая шапочка, украшенная веткой остролиста и орлиным пером, была, несомненно, подлинно шотландской. Одет он был очень опрятно, с той тщательностью, с какой одевается молодость, сознающая свою красоту. За спиной у него висела дорожная сумка, по видимому содержащая самые необходимые пожитки. На левой руке была надета перчатка для соколиной охоты, хотя сокола с ним и не было; в правой руке он держал крепкую палку. С левого плеча свешивался небольшой, пунцового бархата мешочек на шитой перевязи, какие носили охотники с кормом для соколов и другими принадлежностями этой излюбленной в то время забавы. На груди его перевязь перекрещивалась ремнем, на котором сбоку висел охотничий нож. На ногах вместо сапог были башмаки из сыромятной оленьей кожи.

Хотя юноша, очевидно, не достиг еще полного расцвета сил, тем не менее он был высок и статен, а легкость его походки доказывала, что путешествие пешком было для него скорее удовольствием, чем трудом. Его белое от природы лицо было покрыто легким загаром — может, под непривычным влиянием южного солнца, а может, и от постоянного пребывания на открытом воздухе у себя на родине.

Черты его лица не отличались особой правильностью, но были очень приятны и внушали доверие. Беззаботная молодая улыбка, блуждавшая на его свежих губах, открывала два ряда зубов, ровных и белых как слоновая кость; веселый взгляд блестящих голубых глаз, внимательно останавливавшийся на окружающих предметах, был добродушен, беспечен и в то же время полон решимости.

На поклоны и приветствия редких в то опасное время прохожих юноша отвечал сообразно достоинству каждого. Вооруженному бродяге, не то разбойнику, не то солдату, который внимательно разглядывал его, как бы взвешивая про себя, чего можно здесь ждать — богатой добычи или решительного отпора, — он отвечал таким бесстрашным и уверенным взглядом, что тот мигом оставлял злые умыслы и приветствовал его угрюмым: «Здорово, приятель!», на что молодой шотландец отвечал столь же воинственным, хотя и менее суровым тоном. Пилигрима и нищенствующего монаха он встречал почтительным приветствием и получал в ответ отеческое благословение; а с молодой черноглазой крестьянкой он обменивался таким веселым поклоном, что она долго еще оборачивалась и с улыбкой смотрела ему вслед. Словом, в юноше было что-то привлекавшее внимание: смелость, прямота в соединении с жизнерадостностью, ясным взглядом и приятной внешностью невольно располагали в

его пользу. По его поведению чувствовалось, что это человек, бесстрашно вступающий в жизнь, полную неведомых ему зол и опасностей, для борьбы с которыми у него только и есть оружия, что живой ум и молодая отвага — черты, вызывающие симпатии людей молодых и участие поживших и опытных.

Путник, которого мы сейчас описали, был давно замечен двумя собеседниками, остановившимися на том берегу речки, где стоял окруженный лесом замок; но, когда юноша стал спускаться с крутого берега с легкостью бегущей к водопою лани, младший из собеседников сказал старшему:

— А ведь это наш цыган! Если он пустится вброд, он пропал: вода сильно прибыла, речки не перейти.

— Пусть попытается, — ответил старший, — и сам убедится в этом, куманек. Может быть, он подтвердит старую пословицу: «Кому повешену быть, тот не утонет».

— Отсюда я не могу рассмотреть лица, но узнаю его по голубой шапке, — сказал первый. — Послушайте, вот он кричит: спрашивает, глубока ли вода.

— Пусть сам попробует, — повторил старший собеседник, — в этом мире нет ничего лучше собственного опыта.

Между тем юноша, видя, что двое людей на противоположном берегу спокойно смотрят, как он готовится перейти речку вброд, и даже не отвечают на его вопрос, снял башмаки и недолго думая вошел в воду. Только в эту минуту старший из собеседников крикнул, чтоб он был осторожен, и, обратившись к своему спутнику, сказал вполголоса:

— Mortdieu¹, куманек, опять ты дал маху — это вовсе не цыган.

Но предупреждение опоздало: то ли юноша его не расслышал, то ли не успел им воспользоваться, так как сразу попал в быстрину. Для всякого менее искусного и ловкого пловца гибель казалась неизбежна: речка была очень глубока, а течение стремительно.

— Клянусь святой Анной, он молодчина! — воскликнул старший незнакомец. — Беги-ка поскорей, приятель, да загладь свою вину: помоги ему, если можешь. Он, видно, все же достанется тебе и, если верить старой пословице, не должен утонуть.

И правда, юноша с такой силою и ловкостью боролся с волнами, что, несмотря на бурное течение, выплыл на берег почти против того места, откуда вошел в воду.

В то время как младший незнакомец бежал вниз к реке на помощь пловцу, старший не спеша следовал за ним, рассуждая сам с собой:

«Клянусь небом, он уже вылез на берег и сразу схватился за палку! Если я не поспешу, он, чего доброго, отколотит моего приятеля за един-

¹ Черт возьми (франц.).

ственное доброе дело, которое тот собирался сделать за всю свою жизнь».

Он не без основания предвидел такую развязку, потому что как раз в эту минуту отважный шотландец набросился на подбежавшего к нему самаритянина с сердитым окриком:

— Ах ты собака! Отчего ты мне не ответил, когда я тебя спрашивал, можно ли тут пройти вброд? Черт меня побери, если я не научу тебя, как надо обходиться с чужестранцами!

С этими словами юноша подбросил палку и, перехватив ее посередине, угрожающе завертел ею в воздухе. Этот прием назывался *moulinet*¹, потому что вертящаяся палка напоминала вращение крыльев ветряной мельницы. Услышав эту угрозу, противник юноши в свою очередь схватился за меч: он, видно, был из тех, кто предпочитает действия разговорам. Но тут подоспел старший незнакомец; он приказал ему остановиться и, обратившись к молодому шотландцу, стал упрекать его за безрассудную поспешность, с которой тот бросился в воду, и за горячность, с какой он, не разобрав дела, накинулся на человека, спешившего ему на помощь.

Выслушав это замечание от человека пожилого и по виду вполне почтенного, юноша сейчас же опустил свое оружие и ответил, что очень жа-

¹ мельница (франц.).

леет, если был к ним несправедлив; но и они, по его мнению, были не правы, заставив его рисковать жизнью, ни словом не предупредив об опасности. А такой поступок недостоин ни честных людей, ни добрых христиан, ни тем более уважаемых горожан, какими они кажутся.

— Ну, сынок, — сказал старший незнакомец, — по твоей внешности и выговору я догадываюсь, что ты чужестранец, и, право, ты и сам мог бы сообразить, что нам не так-то легко тебя понимать, хоть ты и бойко болтаешь на чужом языке.

— Ладно, отец, — ответил юноша. — Поверьте, мне это купание нипочем, и я охотно извиню вам, что вы были отчасти его причиной, если вы мне укажете местечко, где я мог бы обсушиться, потому что на мне единственное мое платье и мне хотелось бы сохранить его в приличном виде.

— За кого же ты нас принимаешь, мой друг? — спросил старший незнакомец вместо ответа.

— За зажиточных горожан, разумеется. За кого же еще? — ответил шотландец. — Или нет, постойте!.. Вы, сударь, должно быть, меняла или хлебный торговец, а ваш товарищ — барышник или мясник.

— Не в бровь, а прямо в глаз, — заметил с улыбкой пожилой незнакомец. — Что правда, то правда! Я действительно по мере сил занимаюсь денежными делами; да и про моего товарища ты угадал: он по профессии и впрямь сродни мяснику. Оба мы рады тебе услужить, но только скажи нам сперва, кто ты, куда и за каким делом идешь. Нынче ведь по дорогам рыщет много всяких бродяг, и пеших и конных, у которых нет ни совести, ни страха Господня.

Юноша окинул своего собеседника и его молчаливого товарища быстрым пронизательным взглядом, как бы желая убедиться, достойны ли они его доверия, и вот к чему свелись его наблюдения.

Старший и более почтенный из этих двух людей, выделявшийся как наружностью, так и костюмом, смахивал больше всего на купца. Его камзол, штаны и плащ из одноцветной материи были донельзя потертые, и сметливый шотландец сейчас же решил, что носить такую одежду мог человек либо очень богатый, либо совсем бедный, вернее — первое. Узкий покрой его слишком короткого платья не был в то время в моде ни у дворян, ни у зажиточных горожан, носивших широкие и длинные камзолы, спускавшиеся ниже колен.

В выражении лица этого человека было что-то одновременно привлекательное и отталкивающее; в его резких чертах, ввалившихся щеках и глубоко сидящих глазах сквозили лукавство и затаенный юмор, не чуждый и нашему юноше. И в то же время во взгляде этих впалых глаз, смотревших из-под густых, нависших черных бровей, было что-то зловещее и повелительное. Быть может, впечатление это усиливалось благодаря плоской меховой шапке, плотно надвинутой на лоб и еще больше оттеняв-

шей глаза, но юношу поразил этот взгляд, плохо вязавшийся с заурядной внешностью незнакомца. Его шапка была особенно неказиста. Люди состоятельные украшали в то время свои шапки золотыми или серебряными пряжками; на его же головном уборе не было никаких украшений, кроме жалкой оловянной бляхи с изображением Божьей Матери, вроде тех, что приносят из Лорето беднейшие пилигримы.

Его товарищ, лет на десять его моложе, был человек приземистый и коренастый. Угрюмое лицо его лишь изредка озарялось злобной усмешкой; впрочем, он улыбался только в тех случаях, когда старший незнакомец обращался к нему с какими-то таинственными знаками. Он был вооружен мечом и кинжалом, а под его скромной одеждой шотландец заметил тонкую кольчугу из мелких железных колец, какие в ту полную опасностей эпоху носили не только воины, но и мирные жители, занятия которых требовали частых отлучек из дому. Это обстоятельство еще больше убедило шотландца, что незнакомец был мясником, барышником или кем-нибудь в этом роде.

Молодой чужеземец, с одного взгляда сделав наблюдения, на передачу которых мы потратили столько времени, после минутного молчания ответил с легким поклоном:

— Не знаю, с кем имею честь говорить, но, кто бы вы ни были, я не стыжусь и не боюсь сказать вам, что я шотландец, младший сын в семье и, по обычаю моих земляков, иду попытать счастья во Франции или в какой-нибудь другой стране.

— Чудесный обычай, черт возьми! Да и сам ты молодец хоть куда! В твои годы ты должен нравиться не только мужчинам, но и женщинам... Ну-с, так вот, видишь ли: я — купец, и мне нужен помощник. Что ты на это скажешь? Или, может быть, ты слишком благороден для такого низкого занятия?

— Если вы делаете мне это предложение серьезно, в чем я очень сомневаюсь, я должен вас поблагодарить и благодарю вас, сударь; но, право, я боюсь, что не сумею быть вам полезным.

— Еще бы! Ручаюсь, что ты искуснее стреляешь из лука, чем ведешь счета, а мечом владеешь лучше, чем пером. Ведь так?

— Я горец, сударь, а следовательно, стрелок, как у нас говорят, — ответил юноша. — Но мне случилось жить в монастыре, и добрые монахи научили меня читать, писать и даже считать.

— Черт возьми, это великолепно! — воскликнул купец. — Клянусь Пречистой Девой Эмбренской, ты просто чудо!

— Веселитесь, сударь, если вам это нравится, — сказал шотландец, которому насмешливый тон нового знакомого, видимо, пришелся не по вкусу. — А мне нечего тут болтать с вами, когда вода бежит с меня в три ручья. Пойду поищу, где бы обсушиться.

В ответ на эти слова купец только расхохотался.

— Черт возьми, — сказал он, — недаром, видно, пословица говорит: «Fier comme un Ecossois»!¹ Полно сердиться, приятель. Я знаю и люблю твою родину, потому что мне не раз приходилось иметь дело с шотландцами. Народ вы бедный, но честный... Пойдем-ка с нами в деревню; я угощу тебя славным завтраком и поднесу стаканчик доброго вина, чтобы вознаградить тебя за купание... А это еще что, черт возьми? Охотничья перчатка? Разве ты не знаешь, что соколиная охота в королевских владениях запрещена?

— Не знал, да меня вразумил негодяй-лесничий герцога Бургундского, — ответил юноша. — Дело было под Перонной: только я спустил было своего сокола на цаплю, как этот негодяй уложил его на месте своей проклятой стрелой. А я-то еще так на него надеялся и нес с собой от самой Шотландии!

— Что же ты сделал ему за это? — спросил купец.

— Я избил его, — сказал юноша, потрясая своей палкой, — так избил, как только может один христианин избить другого, не уложив его на месте и не беря греха на душу.

— А знаешь ли ты, что, попадись ты в руки герцогу Бургундскому, он тут же вздернул бы тебя и ты болтался бы на дереве, как каштан?

— Как не знать! Говорят, он на эти дела так же скор, как и французский король. Но так как это случилось под самой Перонной, то я махнул через границу и был таков! Кабы он не был так горяч, я, может быть, еще поступил бы к нему на службу.

— Если перемирие будет нарушено, герцог горько пожалеет, что потерял такого молодца, — сказал насмешливо купец, бросив быстрый взгляд на своего молчаливого товарища, а тот ответил ему зловещей улыбкой, озарившей на мгновение его лицо, как промелькнувший метеор озаряет зимнее небо.

Молодой шотландец резко остановился и, надвинув решительным жестом свою шапочку на правую бровь, сердито сказал:

— Послушайте, господа, особенно вы, сэр, старший и как будто более разумный из двух: будьте осторожней! Я сумею вам доказать, что прохаживаться на мой счет небезопасно. Мне не нравится ваш тон. Я могу стерпеть шутку, а от старшего даже выговор и поблагодарю за него, если я его заслужил; но я не потерплю, чтобы со мной обращались как с мальчишкой, когда, Бог свидетель, я чувствую в себе столько сил, что легко проучу вас обоих, если вы выведете меня из себя.

Эти слова так рассмешили старшего незнакомца, что он чуть не задохнулся от хохота, а товарищ его схватился за меч; но шотландец ловким, сильным ударом по руке заставил его в тот же миг выпустить оружие, и эта выходка еще больше развеселила старого купца.

¹ Горд, как шотландец (франц.).

— Стой, храбрый шотландец, стой! — закричал он. — Успокойся, хотя бы из любви к своей родине!.. Да и тебе, куманек, советую не кипятиться. Черт возьми! Люди торговые должны быть справедливыми, а его ловкий удар можно принять как расплату за холодное купание... А ты, приятель, слушай: перестань горячиться! — добавил он, обращаясь к шотландцу таким властным тоном, что тот невольно смутился. — Со мной шутки плохи, а с моего товарища хватит и того, что он получил. Как твое имя?

— На вежливый вопрос у меня всегда есть учтивый ответ, — сказал юноша, — и я готов отнестись к вам с почтением, подобающим вашему возрасту, если вы не станете выводить меня из терпения насмешками. Во Франции и во Фландрии мне дали прозвище Паж с Бархатной Сумкой — из-за мешочка, который я всегда ношу на боку. Но мое настоящее имя, данное мне на родине, — Квентин Дорвард.

— Дорвард? Это дворянское имя? — спросил незнакомец.

— Надеюсь, — ответил шотландец. — Об этом свидетельствуют пятнадцать поколений моих предков. Это-то и заставило меня избрать именно военную, а не иную профессию.

— Настоящий шотландец! Много предков, много гордости и, ручаюсь, очень мало денег в кармане!.. Послушай, куманек, — продолжал старый купец, обращаясь к своему мрачному товарищу, — ступай-ка вперед да прикажи приготовить нам завтрак в туговой роше; я уверен, что этот молодец окажет ему такую же честь, как голодная мышь хозяйскому сыру. Что же касается цыгана... дай-ка я шепну тебе на ухо два слова...

Выслушав товарища, мрачный незнакомец ответил ему многозначительной зловещей улыбкой и удалился крупным шагом, а старый купец, обратившись к Дорварду, сказал:

— Пойдем-ка и мы помаленьку да завернем по дороге в часовню Святого Губерта и прослушаем обедню, потому что не годится заботиться о потребностях тела больше, чем о спасении души.

Как добрый католик, Дорвард ничего не мог возразить против этого предложения, хотя, по всей вероятности, ему прежде всего хотелось обсушиться и подкрепить свои силы. Между тем мрачный незнакомец скоро исчез из виду, и, следуя за ним той же дорогой, его товарищ с юношей вошли в густой лес, весь заросший мелким кустарником и перерезанный длинными и широкими просеками, по которым бродили вдалеке небольшие стада оленей, чувствовавших себя здесь, по-видимому, в полной безопасности.

— Вы спрашивали меня, хороший ли я стрелок, — сказал юный шотландец. — Дайте мне лук да пару стрел, и я ручаюсь, что у вас будет оленина на обед.

— Берегись, дружок! Советую тебе: будь осторожен. Куманек смотрит в оба за здешней дичью, на нем лежит надзор за нею; и поверь мне, он очень сердитый сторож.

— А все-таки он больше смахивает на мясника, чем на веселого лесничего, — сказал Дорвард. — Трудно поверить, чтобы человек с рожей висельника имел что-нибудь общее с благородным искусством охоты.

— Это правда, дружок: на первый взгляд физиономия у моего куманька не слишком-то привлекательна: однако никто из тех, кто сводил с ним знакомство покороче, никогда не жаловался на него.

Квентину Дорварду послышалась какая-то странная, неприятная нотка в многозначительном тоне, каким были сказаны эти слова; он быстро взглянул на говорившего и в выражении его лица, в улыбке, змеившейся на его губах, в пронизывающем взгляде его черных прищуренных глаз уловил нечто такое, что еще усилило это неприятное впечатление.

«Мне доводилось слышать о разбойниках, ловких плутах и обманщиках, — подумал он. — Может быть, тот негодяй — убийца, а этот старый плут — его правая рука и приспешник? Надо держать ухо востро... Впрочем, что с меня взять? Разве что несколько добрых шотландских тумачков!»

Пока Дорвард был занят этими размышлениями, они вышли на прогалину, на которой кое-где росли старые большие деревья. Очищенная от мелкой заросли и хвороста, она была покрыта, точно ковром, свежей густой травой, разросшейся в тени деревьев, защищавших ее от лучей палящего южного солнца, и такой пышной и нежной, какая редко встречается во Франции. Кругом росли вековые буки и вязы, высоко возносившие к синему небу свои гигантские зеленые купола. Среди этих могучих детей природы, на самом открытом месте, недалеко от быстрого ручья, стояла небольшая часовня простой, даже грубой архитектуры. Рядом лепилась убогая келья — жилище отшельника, исполнявшего при часовне обязанности священнослужителя. В небольшой нише над сводчатой дверью часовни виднелась маленькая статуя святого Губерта с охотничьим рогом через плечо и с двумя борзыми собаками у ног. Одинокая часовня, окруженная густым лесом, полным дичи, была посвящена покровителю охоты, святому Губерту¹.

¹ В середине века каждое занятие имело покровителем какого-нибудь святого. Охота с ее опасностями, служившая для многих главным занятием, а для всех остальных постоянной забавой, находилась под покровительством святого Губерта. Этот святой был сыном Бертрама, герцога Аквитанского, и придворным короля Пипина. Он страстно любил охоту и ради этого развлечения даже пренебрегал посещением церковных служб. Однажды, когда он предавался этой забаве, перед ним появился олень с распятием между рогами, и он услышал какой-то голос, который угрожал ему вечной карой, если он не раскается в своих грехах. Он отошел от мирской жизни и принял сан, а его жена также удалилась в монастырь. Впоследствии Губерт стал епископом Маастрихта и Льежа. За усердие, с которым он уничтожал остатки идолопоклонства, он был прозван апостолом Арденн и Брабанта. Считалось, что его потомки обладали умением излечивать людей, укушенных бешеной собакой. (*Прим. автора.*)

Незнакомец в сопровождении Дорварда направился прямо к часовне. В ту минуту, когда они подходили к ней, из кельи вышел отшельник в священническом облачении и тоже направился к часовне, очевидно чтобы служить обедню. При его приближении Дорвард, в знак почтения к его сану, отвесил низкий поклон; спутник же его с видом глубочайшей набожности преклонил колена и, приняв благословение святого отца, смиренно последовал за ним медленным шагом человека, полного благоговения.

Внутреннее убранство часовни говорило о трудах и занятиях святого Губерта в его земной жизни. Все стены были увешаны ценными мехами всевозможных зверей, на каких охотятся в различных странах; из таких же мехов была и завеса у алтаря. Стенную живопись заменяли охотничьи рога, колчаны и самострелы, развешанные вперемешку с головами оленей, волков и других зверей; словом, все убранство носило вполне охотничий характер. Самую службу тоже можно было назвать «охотничьей обедней», так как она была сокращена и ее служили перед началом охоты на скорую руку, в угоду знатым господам, которые нетерпеливо ждали конца, чтобы предаться своей излюбленной забаве.

Во время этой коротенькой службы спутник Дорварда был, казалось, всецело поглощен молитвой; сам же Дорвард, не особенно занятый религиозными мыслями, не переставал упрекать себя за то, что осмелился оскорбить низкими подозрениями такого хорошего и смиренного человека.

Он не только не считал его теперь другом и сообщником разбойников, но готов был признать в нем почти святого.

Когда обедня кончилась, они вместе вышли из часовни, и, обратившись к нему, старший сказал:

— Теперь нам два шага до деревни, и ты с чистой совестью можешь наконец разрешить свой пост. Ступай за мной!

Свернув направо на тропинку, которая отлого поднималась в гору, он посоветовал своему спутнику быть поосторожнее и ни в коем случае не сходить с тропинки, а стараться идти, держась ее середины. Дорвард не утерпел и спросил о причине такой предосторожности.

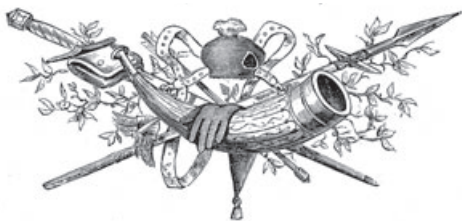
— Видишь ли, молодой человек, мы теперь находимся в королевских владениях, — ответил его провожатый, — и ходить здесь, черт возьми, совсем не то, что бродить в ваших диких горах. Здесь каждая пядь земли, за исключением тропинки, по которой мы идем, грозит опасностями и почти непроходима, потому что на каждом шагу расставлены ловушки и западни с острыми ножами или секачами, которые так же ловко отрезают ноги неосторожному путнику, как кривой нож садовника — ветви боярышника; здесь есть такие капканы, что как раз пригвоздят тебя к земле; есть и волчьи ямы, такие глубокие, что могут живо схоронить тебя. Словом, мы в самом сердце королевских владений и сейчас увидим замок.

— Будь я королем Франции, — сказал юноша, — я не стал бы окружать себя ни ловушками, ни капканами, а постарался бы так управлять своим государством, чтобы никто не осмелился приблизиться ко мне с дурным умыслом. Тем же, кто приходил бы в мои владения с миром и дружбой, я был бы всегда рад, потому что, по-моему, чем больше друзей, тем лучше.

Спутник Дорварда огляделся кругом с притворным испугом:

— Тише, тише, господин Паж с Бархатной Сумкой! Я и забыл тебя предупредить о самой большой опасности, подстерегающей тебя в здешних местах: у каждого листочка в этом лесу есть уши и каждое слово будет передано королю.

— Что за беда! — ответил Квентин Дорвард. — Недаром же я шотландец: я всегда смело скажу, что думаю, даже в глаза королю Людовику, храни его Господь! Что же касается ушей, о которых вы говорите, — хотел бы я их видеть, чтоб отрезать моим охотничьим ножом!

Глава III ЗАМОК

Высокий замок впереди встает
С железными решетками ворот,
Которые вторжению врагов
Дадут отпор. Внизу — глубокий ров,
И медленно вокруг течет поток,
А в башне стражника мерцает огонек.

Неизвестный автор

родолжая разговаривать, Дорвард и его новый знакомый приблизились к замку Плесси-ле-Тур, который теперь весь открылся их взорам. Даже в ту полную опасностей эпоху, когда все знатные люди принуждены были жить под защитой надежных укреплений, охрана замка отличалась особенной строгостью.

От опушки, где Дорвард и его спутник, выбравшись из чащи, остановились, чтоб поглядеть на замок, и до самых его стен расстилалась покатая к лесу, совершенно открытая площадь, на которой не было ни кустика, ни деревца — ничего, кроме единственного и наполовину засохшего векового громадного дуба. Эта площадь, согласно правилам обороны всех времен, была нарочно оставлена открытой, чтобы неприятель не мог спрятаться или приблизиться к замку не замеченным с высоты его укрепленных стен.

Замок был обнесен тройной зубчатой стеной с укрепленными башнями по всей ее длине и по углам. Вторая стена была немного выше пер-

вой, а третья, внутренняя, выше второй, так что с внутренних стен можно было оборонять наружные, если бы неприятель завладел ими. Француз пояснил своему юному спутнику, что вокруг первой стены идет ров в двадцать футов глубиной (они не могли его видеть, потому что стояли в ложбине, ниже основания стен), наполнявшийся при помощи шлюзов водой из Шера, или, вернее, из его притока. Точно такие же глубокие рвы шли, по его словам, и вокруг двух внутренних стен. Как внутренние, так и наружные берега этого тройного ряда рвов были обнесены частокотлом из толстых железных прутьев, расщепленных на концах в острые зубья, которые торчали во все стороны и делали эти рвы совершенно неприступными: попытка перелезть через них была бы равносильна самоубийству.

В центре этого тройного кольца стен стоял самый замок, представлявший собой тесную группу зданий, построенных в различные эпохи и окружавших древнейшую из этих построек — старинную мрачную башню, возвышавшуюся над замком, точно черный эфиопский великан. Узенькие бойницы, пробитые там и сям вместо окон в толстых стенах башни для ее защиты, вызывали то же неприятное чувство, какое мы испытываем, глядя на слепца. Остальные постройки также мало походили на благоустроенное, удобное жилье: все их окна выходили на глухой внутренний двор, так что по своему внешнему виду замок напоминал скорее тюрьму, чем королевский дворец. Царствовавший в то время король еще усиливал это сходство тем, что все вновь возводимые здания приказывал строить так, чтобы их нельзя было отличить от старых, не желая обнаруживать сделанные им новые укрепления (как все подозрительные люди, он тщательно скрывал свою подозрительность). Для этой цели на постройки употребляли кирпич и камень самых темных оттенков, а в цемент примешивали сажу, так что, несмотря на новейшие постройки, дворец носил отпечаток глубокой древности.

В эту неприступную твердыню вел единственный вход — по крайней мере так показалось Дорварду, когда он разглядывал фасад замка, — то были ворота, пробитые в первой наружной стене, с обязательными в то время высокими башнями по бокам, с опускавшейся решеткой и подъемным мостом; решетка была спущена, а мост поднят. Такие же точно ворота с башнями были видны и в двух внутренних стенах. Но все трое ворот не приходились друг против друга, потому что были расположены не по прямой линии; таким образом, их нельзя было пройти все насквозь, и, вступив в первые ворота, приходилось идти между двумя стенами ярдов тридцать в сторону, чтобы попасть во вторые. И вздумай забраться сюда неприятель — он очутился бы под перекрестным огнем, направленным на него с обеих стен. Та же участь ждала бы его, если бы ему удалось про-

рваться сквозь вторые ворота. Словом, для того, чтобы проникнуть во внутренний двор, где стоял замок, надо было миновать два опасных узких прохода, обстреливаемых с двух сторон, и завладеть тремя сильно укрепленными и тщательно оберегаемыми воротами.

Дорвард родился в стране, которая не меньше Франции страдала и от внешних войн и от междоусобиц, в стране гористой, изрезанной вдоль и поперек пропастями и бурными потоками, представлявшими прекрасные естественные укрепления, и он был хорошо знаком с различными способами, при помощи которых люди в то суровое время старались обезопасить свои жилища; но он откровенно сознался своему спутнику, что никогда не представлял себе, как много может сделать искусство там,

где природа сделала так мало. Действительно, как мы уже сказали, замок стоял почти на равнине, если не считать небольшого склона, который от стен его незаметно спускался к опушке леса.

Желая окончательно поразить Дорварда, его спутник сообщил ему, что все окрестности замка, за исключением единственной тропинки, по которой он его вел, точно так же, как и лес, были усеяны ловушками, западнями и капканами, грозившими смертью тому несчастному, кто осмелился бы проникнуть сюда без провожатого; вдоль стен, по его словам, тянулся целый ряд железных сторожек, так называемых ласточкиных гнезд, где в полной безопасности сидели регулярно сменяемые часовые и откуда они могли незаметно прицелиться в каждого, кто отважился бы подойти к замку, не подав условного сигнала и не зная ежедневно менявшегося пароля; охрану замка, сказал незнакомец, день и ночь несли стрелки королевской гвардии, получавшие от короля Людовика за свою службу большое жалованье и богатую одежду, не считая почета и других милостей.

— Ну-с, а теперь, молодой человек, — продолжал он, — скажи-ка мне: случалось ли тебе когда-нибудь видеть такую сильную крепость и считаешь ли ты, что ее можно взять приступом?

Дорвард давно уже, не спуская глаз, рассматривал замок, который так сильно заинтересовал его, что в порыве юношеского любопытства он забыл и думать о своем промокшем платье. При этом вопросе глаза его сверкнули отвагой и лицо ярко вспыхнуло, точно он обдумывал про себя смелый подвиг; наконец он ответил:

— Спору нет, крепость сильная, почти неприступная, но для храбрецов нет ничего невозможного.

— И на твоей родине, конечно, водятся такие храбрецы? — спросил его спутник презрительным тоном.

— Утверждать не берусь, — ответил юноша, — знаю только, что у меня на родине найдутся тысячи людей, готовых на смелый подвиг за правое дело.

— Еще бы! — воскликнул незнакомец. — Может быть, и ты из их числа?

— Не хочу хвастать без надобности, — ответил Дорвард. — Но мой отец славился храбростью, а я не какой-нибудь бастард, я родной и законный его сын!

— Что ж, — заметил незнакомец с улыбкой, — в таком случае тебе здесь есть с кем помериться силами. Королевская гвардия Людовика, охраняющая эти стены, вся состоит из твоих соотечественников — шотландских стрелков. В ней числится триста человек дворян из благороднейших домов твоей родины.

— Так будь я на месте короля Людовика, — подхватил с живостью юноша, — я возложил бы свою охрану только на этих шотландцев! Я снес

бы эти неприступные стены, засыпал бы рвы, призвал бы ко двору своих пэров и рыцарей и зажил бы в свое удовольствие, ломая копья на блестящих турнирах, задавая пиры своим приближенным и танцуя ночи напролет с красивыми женщинами! А о своих врагах думал бы не больше, чем о какой-нибудь мухе.

Спутник Дорварда опять улыбнулся и, сказав, что они подошли слишком близко к замку, повернул назад и направился к лесу, но уже не прежней тропинкой, а другой, более широкой тропой.

— Эта дорога ведет в деревню Плесси, где ты можешь найти удобное и недорогое пристанище, — пояснил незнакомец. — Милях в двух отсюда лежит красивый город Тур, по имени которого называется и все это богатое и цветущее графство. Но мне кажется, что тебе будет гораздо лучше остановиться не в городе, а в деревне Плесси, или Плесси при парке, как ее называют благодаря ее соседству с королевским охотничьим парком.

— Спасибо вам, сударь, за добрый совет, но я не думаю долго здесь оставаться, и, если только в деревне Плесси — будь то Плесси при парке или Плесси у пруда — мне посчастливится найти кусок говядины да стаканчик чего-нибудь повкуснее воды, все мои дела с нею на этом и закончатся.

— Вот как! А мне почему-то казалось, что у тебя здесь есть друзья, — сказал его спутник.

— Это верно, у меня есть здесь родственник, брат моей матери, — ответил Дорвард. — В былое время в своем родном графстве он слыл молодцом и красавцем.

— А как его зовут? — спросил незнакомец. — Я мог бы о нем справиться, потому что, видишь ли... тебе не совсем безопасно самому являться в замок, где тебя могут принять за шпиона.

— Меня — за шпиона! — воскликнул Дорвард. — Клянусь Богом, славно бы я отделал всякого, кто осмелился бы меня так назвать! Что касается дяди, у меня нет причин скрывать его имя. Его зовут Лесли; это честное и благородное имя.

— Нисколько не сомневаюсь, но дело в том, что в шотландской гвардии трое носят эту фамилию.

— Дядю зовут Людовик Лесли, — сказал юноша.

— Но из троих Лесли двое Людовики.

— Моего дядю прозвали Людовик со Шрамом, — сказал Дорвард. — В Шотландии так часто встречаются одинаковые имена и фамилии, что людям безземельным, которых нельзя отличать по названиям их поместий, дают обыкновенно какую-нибудь кличку.

— То есть не кличку, а *nomme de guerre*¹, хочешь ты сказать. Я, кажется, догадываюсь, о ком ты говоришь... Должно быть, о Людовике Мече-

¹ военное прозвище (*франц.*).

ном, как его у нас прозвали за его шрам... Он честный малый и добрый солдат. Мне бы очень хотелось устроить ваше свидание, но, видишь ли, это не так-то легко, потому что порядок у королевских гвардейцев строгий и они редко выходят из замка, кроме тех случаев, когда сопровождают самого короля. Но прежде, милый друг, ответь мне на один вопрос. Бьюсь об заклад, что ты хочешь поступить под начальство своего дяди в шотландскую гвардию? Если я угадал, то это очень смелый план при твоей молодости: подобная служба требует большого опыта.

— Может быть, раньше я и помышлял о чем-нибудь в этом роде, — ответил беспечно Дорвард, — но теперь у меня пропала всякая охота.

— Что так, любезный? — спросил француз, и в голосе его послышалась строгая нотка. — Почему ты так свысока отзываешься о службе, на которую стремятся попасть благороднейшие из твоих соотечественников?

— И пусть стремятся на здоровье, — ответил спокойно Дорвард. — Откровенно говоря, я был бы не прочь поступить на службу к французскому королю; но только, как он там меня роскошно ни корми и ни одевай, хоть всего озолоти, я не променяю своей свободы на его железные клетки, на «ласточкины гнезда», как вы зовете вон те проклятые каменные перечницы. Да и кроме того, — добавил Дорвард, понижая голос, — мне, сказать по правде, не особенно хочется жить в замке, вблизи которого растут дубы с такими желудями, как, например, вон тот.

— Я, кажется, понял тебя, — сказал француз, — но все-таки выскажись ясней.

— Извольте, могу и ясней. Вон там, на выстрел от замка, стоит прекрасный старый дуб, — сказал Дорвард, — а на нем висит человек в точно таком же сером камзоле, какой на мне. Теперь ясно?

— А ведь и правда! Вот что значат молодые глаза, черт возьми! — заметил француз. — Я и сам вижу что-то меж ветвей, да только подумал, что это ворона. Впрочем, милый друг, что ж тут особенного? Лето перейдет в осень, лунные ночи станут длинней, а дороги опасней, и ты увидишь на этом дубе не один, а десяток и два таких желудей. Что за важность? Подобные знамена развешиваются на страх негодяям, и с каждым таким висельником во Франции становится меньше одним разбойником или мошенником, одним грабителем или притеснителем народа. Это только доказательство справедливости нашего государя, милый друг, вот и все.

— Будь я королем Людовиком, я запретил бы вешать их так близко от своего замка, — сказал юноша. — У меня на родине мертвых ворон вешают обыкновенно в таких местах, где часто собираются живые вороны, но никак не в садах и не на голубятнях. Этот ужасный трупный запах... фу, гадость! Он даже сюда доходит.

— Поживи-ка на свете да сделайся преданным, верным слугой своего государя, и ты узнаешь, дружок, что в мире ничто так приятно не пахнет, как труп врага, предателя или изменника, — заметил француз.

— Упаси бог дожить до того, чтобы потерять обоняние, зрение или любое из пяти чувств, — сказал шотландец. — Поставьте меня лицом к лицу с живым врагом или предателем — и вот вам моя рука и мой меч; но я не знаю ни ненависти, ни вражды, которые пережили бы смерть... Однако вот мы добрались и до деревни. Надеюсь доказать вам на деле, что ни холодное купание, ни этот отвратительный запах ничуть не испортили мне аппетита. Теперь прежде всего в гостиницу, и чем скорее, тем лучше... Кстати, прежде чем я воспользуюсь вашим гостеприимством, позвольте узнать ваше имя.

— Меня зовут дядюшка Пьер. За титулом я не гонюсь, потому что человек я простой и живу скромно, довольствуясь небольшим доходом.

— Ну что ж, пусть будет дядюшка Пьер, — сказал Дорвард. — Как бы то ни было, я очень благодарен счастливому случаю, который свел меня с вами.

Пока они вели эту беседу, из-за деревьев показались церковная колокольня и деревянное распятие, говорившее о близости селения. В эту минуту тропинка вывела путников на большую дорогу, но вместо того что-

бы идти по ней, дядюшка Пьер свернул в сторону, сказав своему товарищу, что гостиница, в которую они направляются и где останавливаются все порядочные люди, находится поодаль от деревни.

— Если порядочными людьми вы называете тех, у кого тугой кошелек, — ответил шотландец, — то я не из их числа и скорее согласен встретиться с грабителем на большой дороге, чем где-нибудь в трактире.

— Однако, черт побери, какой вы, шотландцы, расчетливый народ! Не чета англичанам: те очертя голову врываются в трактиры, пьют и едят все, что есть лучшего, а о цене спрашивают только тогда, когда хорошенько набьют живот. Но ты, кажется, забыл, мистер Квентин — ведь твое имя Квентин? — что за мной завтрак, которым я должен расквитаться с тобой за хорошую ванну, принятую по моей вине. Пусть это будет расплатой за мою оплошность.

— И правда, я ведь совсем забыл о купании, и о вашей провинности, и об обещанной расплате, — сказал добродушно Дорвард. — Забыл потому, что платье на мне почти высохло на ходу. Тем не менее я не откажусь от вашего любезного предложения, так как вчера обед у меня был очень легкий, а ужина и вовсе не было... А вы мне кажетесь человеком таким почтенным, что я решительно не вижу причины отказываться.

Француз незаметно улыбнулся. Он прекрасно видел, с каким трудом молодой шотландец, несмотря на то, что умирает с голоду, мирится с мыслью поесть на чужой счет, и отлично понимал, что всеми этими рассуждениями он старается успокоить свою гордость и убедить себя в необходимости ответить любезностью на любезность и принять это небольшое одолжение.

Между тем они прошли узкую аллею рослых вязов, которая вела к воротам гостиницы, и вошли во двор. Гостиница была поставлена на широкую ногу и предназначалась для благородных посетителей, имевших какое-нибудь дело в замке, где Людовик никому и ни под каким видом не позволял останавливаться, если только его не вынуждал к этому неизбежный долг гостеприимства. Над главным входом этого большого и неуклюжего здания красовался щит с изображением королевской лилии. Ни во дворе, ни в доме, ни в прилегающих к нему службах не было заметно оживления и суеты, которые в те годы, когда и частные дома и общественные здания были полны слуг, указывали бы на обилие постояльцев и процветание дела. Казалось, суровый, мрачный характер соседнего замка наложил свою печать и на это место, предназначенное, по тогдашним обычаям, для шумных сборищ с обильной выпивкой и хорошим угощением.

Миновав главный вход и ни с кем не заговаривая, дядюшка Пьер поднял щеколду одной из боковых дверей и ввел Дорварда в большую ком-

нату, где ярко пылал огонь в камине и стоял стол, накрытый для обильного завтрака.

— Мой куманек обо всем подумал, ничего не забыл, — сказал он, обращаясь к Дорварду. — Ты, наверно, продрог — вот тебе огонь, обсушись и погрейся; ты голоден — сейчас тебе будет завтрак.

Он свистнул, и в дверях показался хозяин гостиницы, ответивший на его приветствие низким поклоном и ничем не обнаруживший болтливости, столь свойственной французским трактирщикам всех времен.

— Я посылал сюда джентльмена и велел заказать завтрак... Исполнено ли мое поручение?

Хозяин ответил новым безмолвным поклоном и стал торопливо вносить и расставлять на столе разнообразные блюда прекрасного завтрака, ни единым словом не заикаясь об их необыкновенных достоинствах. А между тем этот завтрак, как читатель увидит из следующей главы, стоил похвал, на которые обыкновенно так щедры болтливые французские трактирщики.

Глава IV ЗАВТРАК

Святые небеса! Какие челюсти!
И что за хлеб!

«Путешествия Йорика»

так, на долю нашего юного чужестранца выпала такая удача, какой он еще не видывал с минуты вступления на землю древней Галлии.

Завтрак, как мы уже сказали в конце предыдущей главы, удался на славу. Был тут и знаменитый перигорский пирог, за который истинный любитель охотно положил бы свою жизнь, как те гомеровские герои, которые, отведав лотоса, забывали и родину, и близких, и свои общественные обязанности. Его аппетитно подрумяненная корка вздымалась подобно крепостной стене вокруг богатого города, поставленной, чтобы охранять его несметные сокровища. Было тут и сочное рагу с чесночной приправой, любимое кушанье гасконцев, которое, однако, признают и шотландцы. Был великолепный окорок, еще недавно составлявший часть благородного вепря из соседнего Монришарского леса. Белые круглые булочки с румяной коркой были сами по себе так вкусны, что могли показаться лакомством, если бы даже их пришлось запивать простой водой. Но на столе кроме воды красовалась еще кожаная фляга почтенных размеров, так называемый «сапожок», вмещавший около кварты превосходного вина. Такое обилие вкусных блюд способно было и в мертвом возбудить аппетит. Поэтому легко себе представить, какое действие они произвели на здорового двадцатилетнего молодца,

который (уж если говорить правду) два последних дня питался только случайно попадавшимися ему по дороге недозрелыми плодами да небольшим куском ячменного хлеба. Теперь он первым делом набросился на рагу и живо очистил все блюдо; потом смело атаковал величественный пирог и, не теряя времени, врезался в самую его середину. Запивая каждую солидную порцию стаканчиком доброго вина, он несколько раз возобновлял свои нападения на блюдо с пирогом, к изумлению трактирщика и к удовольствию дядюшки Пьера.

Этот последний (должно быть, от радости, что ему удалось нечаянно сделать доброе дело), казалось, от души восхищался аппетитом шотландца; заметив, что рвение его молодого друга стало наконец ослабевать, он приказал подать варенье, печенье и всевозможные тонкие лакомства, чтобы возбудить его угасающий аппетит. Пока Дорвард насыщался, лицо наблюдавшего за ним дядюшки Пьера приняло добродушное и даже благосклонное выражение, мало отвечавшее его обычно насмешливому и суровому виду. Люди пожилые всегда готовы сочувствовать радостям молодой жизни, если только зависть или бесплодное соперничество не нарушают их душевного равновесия.

Как ни был Квентин Дорвард поглощен своим приятным занятием, он не мог не заметить, что лицо его нового знакомого, показавшееся ему вначале таким отталкивающим, теперь, под влиянием выпитого вина, стало казаться гораздо более привлекательным. Поэтому он обратился к дядюшке Пьеру и самым дружеским тоном стал упрекать его, что тот все время посмеивался над его аппетитом, а сам ни до чего не дотронулся.

— Я исполняю епитимью, — отвечал дядюшка Пьер, — и до самого полудня не могу есть ничего, кроме засахаренных фруктов и стакана воды... Скажи, кстати, той особе наверху, — добавил он, обращаясь к хозяину гостиницы, — чтоб она принесла мне закусить.

Хозяин вышел, а дядюшка Пьер продолжал:

— Ну, как же по-твоему: сдержал я свое обещание накормить тебя завтраком?

— Я в первый раз так славно поел с тех пор, как покинул Гленхулакин, — отвечал юноша.

— Глен?.. Как ты сказал? Повтори-ка! Уж не собираешься ли ты вызвать дьявола своими колдовскими словами?

— Гленхулакин — название нашего старинного родового поместья, сударь, — добродушно ответил Дорвард, — и в переводе на ваш язык означает «Долина мошек». Но если вам нравится потешаться над этим названием — смейтесь сколько угодно: вы ведь купили себе это право.

— У меня и в мыслях не было тебя обидеть, — сказал дядюшка Пьер. — Я просто хотел тебе объяснить, раз мой завтрак тебе понравился,

что шотландские стрелки королевской гвардии всякий день завтракают так же, если не лучше.

— Это меня не удивляет, — заметил Дорвард. — Воображаю, какой у них разыгрывается аппетит после ночи, проведенной взаперти в этих «ласточкиных гнездах»!

— Зато они и удовлетворяют его с избытком, — сказал дядюшка Пьер. — Им не приходится, подобно бургундцам, выбирать между голой спиной и пустым желудком. Они одеваются как вельможи, а едят как аббаты.

— Тем лучше для них, — заметил Дорвард.

— Но почему бы тебе самому не стать в их ряды, молодой человек? Я уверен, что твой дядя мог бы легко тебя устроить на первое освободившееся место. Да и я сам, сказать по правде, имею кое-какие связи и мог бы быть тебе полезен. Надеюсь, ты едешь верхом не хуже, чем стреляешь из лука?

— Никто из Дорвардов не уступит любому наезднику, когда-либо ставившему кованый башмак в стальное стремя. Ваше любезное предложение, конечно, очень соблазнительно: пища и одежда — вещи, необходимые в жизни; но люди с моим характером мечтают, видите ли, о почестях, о славе и о военных подвигах. Ваш же король Людовик — да хранит его Господь, ведь он друг и союзник Шотландии! — заперся в своем замке, на коня садится только затем, чтоб переехать из одной крепости в другую, а города и целые провинции приобретает не славными битвами, но переговорами да союзами. Ну и пусть... Только я придерживаюсь мнения Дугласов, которые всегда предпочитали открытое поле, потому что больше любили пение жаворонков, чем писк мышей.

— Не следует так дерзко судить о действиях государей, молодой человек! — строго заметил дядюшка Пьер. — Людовик не хочет зря проливать кровь своих подданных, но он не трус. Он доказал это в битве при Монлери.

— Да, но ведь с тех пор прошло двенадцать лет, если не больше, — ответил юноша. — Нет, я охотнее служил бы государю, слава которого была бы так же блестяща, как его щит, и который был бы всегда первым на поле боя.

— Почему же ты не остался в Брюсселе у герцога Бургундского? У него по крайней мере ты бы каждый день имел случай переломать себе кости, а если бы ты не сумел им воспользоваться, то герцог и сам позаботился бы об этом, особенно если б узнал, что ты отколотил его лесника.

— Это правда. Что ж, видно, не судьба; этот путь навсегда закрыт для меня, — сказал Квентин.

— Впрочем, на свете много одержимых, у которых молодые безумцы всегда найдут себе дело, — продолжал дядюшка Пьер, — что ты скажешь, например, о Гийоме де ла Марке?

— Как! Об Арденнском Бородатом Вепре? — воскликнул Дорвард. — Об этом атамане грабителей и убийц, готовых укокошить первого встречного, чтобы завладеть его плащом, убивающих безоружных священников и пилигримов так спокойно, как если б это были воины и стрелки? Нет, служить ему — значило бы навеки запятнать герб моего отца!

— Ну ладно, ладно, горячка, — сказал дядюшка Пьер. — Если уж ты так щепетилен, отчего бы тебе не попытаться счастья у молодого герцога Гельдернского?

— Вы бы еще сказали — у самого черта! — воскликнул Дорвард. — И как только земля его носит, когда его ждут не дождутся в преисподней! Ведь говорят, он держит в тюрьме своего родного отца... и, верите ли, будто он даже осмелился поднять на него руку...

Наивный ужас, с которым молодой шотландец отзывался о сыновней неблагодарности герцога Гельдернского, казалось, немного смутил его собеседника.

— Ты еще, видно, не знаешь, юнец, как мало значат узы крови у знатных людей, — ответил он и, поспешно переходя из чувствительного тона в шуточный, добавил: — Впрочем, если даже допустить, что герцог ударил отца, то отец, я ручаюсь, столько раз колотил его в детстве, что они только свели старые счета.

— Как вы можете так говорить! — воскликнул шотландец, вспыхнув от негодования. — Стыдно, сударь, в ваши лета позволять себе подобные шутки! Если даже старый герцог и бил своего сына, так, значит, мало бил, потому что лучше бы этому сыну умереть под розгами, чем остаться жить к стыду всего христианского мира!

— Строго же ты, как я посмотрю, судишь государей и военачальников! По-моему, лучшее, что ты можешь сделать, — это поскорее стать самому полководцем: где уж такому мудрецу найти себе достойного вождя!

— Вы смеетесь надо мной, дядюшка Пьер, — ответил юноша добродушно. — Может быть, вы и правы. Однако вы не назвали мне еще одного храброго предводителя, у которого под командой превосходное войско и кому можно служить с честью.

— Я не понимаю, о ком ты говоришь.

— Да о том, кто, подобно гробу Магомета — да будет проклят этот лжепророк! — находится меж двух магнитов, о том, кого нельзя причислить ни к французам, ни к бургундцам и кто, ловко удерживая равновесие между ними, сумел внушить страх двум великим государям и, не смотря на все их могущество, заставил служить себе.

— И все-таки я не могу взять в толк, о ком ты говоришь, — проговорил задумчиво дядюшка Пьер.

— Да о ком же, как не о благородном Людовике Люксембургском, графе де Сен-Поль, великом коннетабле Франции, который во главе не-

большого войска сумел удержать свои владения и теперь так же высоко держит голову, как и сам король Людовик или герцог Карл! О ком же, как не о графе, который, словно мальчик в игре, твердо стоит на середине доски, тогда как два других качаются, стоя на ее концах!¹

— Зато падение грозит ему гораздо большей опасностью, чем двум другим, — заметил дядюшка Пьер. — Но послушай, мой друг... Ты считаешь грабеж таким страшным преступлением, а известно ли тебе, что твой тонкий политик граф де Сен-Поль первый подал пример, совершая грабежи и поджоги в завоеванных провинциях, и что до совершенных им постыдных опустошений воевавшие стороны всегда щадили сдавшиеся без сопротивления или беззащитные города и селения?

— Если так, то, клянусь честью, я начинаю думать, что все эти знатные господа стоят друг друга и что выбирать между ними — все равно что выбирать дерево, на котором тебя должны повесить! Но, видите ли, этот граф де Сен-Поль, коннетабль, владеет городом, который носит имя моего покровителя, святого Квентина² (здесь шотландец перекрестился), и мне сдается, что, живи я в этом городе, мой святой, может быть, и обратил бы на меня свое милостивое внимание, потому что не так уж много носящих это имя и у него досуга больше, чем у других ваших святых с известными именами. А теперь он и думать забыл о бедном Квентине Дорварде, своем духовном сыне, иначе не оставил бы его на целый день без пищи и на следующее утро не предоставил бы его покровительству святого Юлиана и случайной любезности чужестранца, купленной ценою холодного купания в вашем знаменитом Шере или в одном из его притоков.

— Не богохульствуй, приятель, и никогда не делай святых предметом шутки! — строго сказал дядюшка Пьер. — Святой Юлиан — надежный покровитель всех странников, а святой Квентин сделал для тебя, быть может, больше, чем ты полагаешь.

Пока он говорил, дверь отворилась и в комнату вошла девушка лет шестнадцати. Она несла покрытый узорчатой салфеткой поднос, на котором стояли небольшое блюдо с черносливом, которым всегда славился город Тур, и изящный серебряный кубок чеканной работы — произведе-

¹ В тот период Людовику XI доставляли много затруднений интриги Людовика Люксембургского, графа де Сен-Поля. Добиваясь независимости, граф интриговал одновременно против Англии, Франции и Бургундии, и, как это часто случается с людьми, ведущими вероломную политику, Сен-Поль, пожалованный Людовиком XI в 1465 году званием коннетабля, кончил тем, что вооружил против себя своих могущественных соседей, каждому из которых по очереди изменял. Наконец герцог Бургундский выдал его французскому королю; его судили и быстро казнили за измену в декабре 1475 года. (*Прим. автора.*)

² То обстоятельство, что коннетабль владел городом Сен-Кантемом, дало ему возможность вести свои сложные политические интриги, за которые он впоследствии так дорого заплатил. (*Прим. автора.*)

ние мастеров того же города, затмевавших в этом тонком искусстве мастеров не только других городов Франции, но даже и других стран. Дорвард невольно загляделся на прекрасный кубок, не думая о том, серебряный он или оловянный, как и та кружка, из которой он пил и которая была так хорошо отполирована, что казалась серебряной.

Однако, случайно взглянув на прислуживавшую юную девушку, он сейчас же сосредоточил на ней все свое внимание.

Его сразу поразило ее прелестное личико, обрамленное густыми черными волосами, заплетенными в мелкие косы и перевитыми гирляндой простого плюща, как носили шотландские девушки. Правильные черты, темные глаза и задумчивое выражение придавали ей сходство с Мельпоменой, а вспыхивавший по временам на лице ее слабый румянец и беглая улыбка, порхавшая вокруг ее губ и мелькавшая во взгляде, позволяли предполагать, что ей не чуждо веселье, хотя, может быть, она и не часто бывает в веселом настроении. Квентину почудилось, что какое-то затаенное горе накладывает на это красивое юное лицо несвойственный молодости отпечаток серьезности; а так как юноша с романтическим воображением всегда скор на заключения, то он тут же решил, что жизнь прелестной незнакомки связана с какой-то тайной.

— Это еще что? Что это значит, Жаклина? — сказал дядюшка Пьер, едва девушка успела войти. — Разве я не приказал, чтобы завтрак мне

принесла госпожа Перетта? Черт возьми! Или она слишком хороша, чтобы служить мне?

— Тетушка не совсем здорова, — ответила Жаклина торопливо, но почтительно. — Ей нездоровится, и она не выходит из своей комнаты.

— Если она не выходит, то надеюсь, что она и никого не принимает, — сказал дядюшка Пьер, выразительно подчеркивая слова. — Я vieux routier¹, и меня притворными болезнями не проведешь.

Жаклина побледнела и задрожала, потому что, надо правду сказать, в тоне и во взгляде дядюшки Пьера, всегда суровом и насмешливом, было что-то зловещее и подавляющее, когда он загорался гневом или подозрением. Этого было достаточно, чтобы в Квентине тотчас проснулась рыцарская любезность горца. Он поспешил подойти к Жаклине и взял из ее рук поднос, который она покорно ему отдала, не спуская робкого, тревожного взгляда с рассерженного старика. Трудно было устоять перед этим трогательным, молившим о пощаде взглядом — и дядюшка Пьер смягчился и заговорил не только с меньшим недовольством, но так приветливо, как только был способен:

— Я не сержусь на тебя, Жаклина, ты еще слишком молода, чтобы быть вероломной и лживой, какой, к сожалению, ты станешь со временем, как вся ваша непостоянная порода. Каждый, кто хоть сколько-нибудь пожил на свете, не может не согласиться со мной². Вот и господин шотландский рыцарь скажет тебе то же.

Жаклина, как бы повинувшись дядюшке Пьеру, взглянула на молодого шотландца; но, как ни мимолетен был ее взгляд, Дорварду показалось, что он молил о помощи и сочувствии. Поддавшись молодому порыву и следуя с детства привитой привычке к рыцарскому преклонению перед женщиной, Квентин поспешил ответить, что он готов бросить перчатку любому человеку одного с ним звания и возраста, который осмелится утверждать, будто за такой прелестной внешностью может скрываться злое и порочное сердце.

Молодая девушка побледнела как смерть и бросила испуганный взгляд на дядюшку Пьера, на лице которого выходка молодого человека вызвала только презрительную улыбку. Между тем Квентин, который частенько рубил сплеча, прежде чем успевал обдумать свои слова, спохватился и вспыхнул при мысли, что его ответ мог быть принят за желание поломаться перед мирным и безобидным стариком. Поняв свой промах, молодой человек решил в наказание себе спокойно вытерпеть смеш-

¹ стреляный воробей (*франц.*).

² Одной из отличительных черт далеко не симпатичного характера Людовика, и притом чуть ли не самой неприятной чертой, было его презрение как к умственным способностям, так и к нравственным качествам представительниц прекрасного пола. (*Прим. автора.*)

ное положение, в которое попал по заслугам. Покраснев еще больше, он смиренно подал дядюшке Пьеру поднос с кубком, стараясь улыбкой прикрыть свое замешательство.

— Ты просто еще молод и глуп, — сказал ему дядюшка Пьер, — и так же плохо знаешь женщин, как и государей, о которых судишь вкравь и вкось, тогда как сердца их (тут он набожно перекрестился) — в руках Божьих.

— А в чьих же руках, по-вашему, сердца женщин? — спросил Квентин, стараясь не поддаваться невольному уважению, которое внушал ему этот странный человек, и стыдясь признать его превосходство, ибо тот подавлял его своим небрежно-высокомерным обращением.

— Ну, уж об этом потрудись справиться у кого-нибудь другого, — невозмутимо ответил дядюшка Пьер.

Этот новый отпор, однако, не очень смутил Квентина. «Ведь не в благодарность же за такое пустое одолжение, как завтрак, хоть он и был очень хорош, я против воли чувствую уважение к этому турецкому горожанину! — подумал юноша. — Можно приручить сокола или собаку, накормив их, но для того, чтобы привязать к себе человека и заслужить его благодарность, надо еще иметь доброе сердце. Нет, в этом старике есть что-то необыкновенное... А эта девушка, промелькнувшая чудным видением, не может быть простой служанкой. Она чужая здесь, в этой захудалой гостинице... И этот богатый торгаш ей тоже чужой, хотя он и имеет над ней какую-то власть, как, впрочем, и над всеми, кто случайно приближается к нему. Это удивительно, как много значения фламандцы и французы придают богатству... Взять хотя бы этого купца: я уверен, что уважение, которое я оказываю его летам, он приписывает своему туго набитому кошельку. Это я-то, шотландский дворянин старинного рода, стану унижаться перед каким-то турецким торгашом!»

Эти мысли быстро мелькали в голове Дорварда в то время, как дядюшка Пьер, поглаживая Жаклину по головке, говорил ей с улыбкой:

— Этот юноша сделает для меня все, что надо... Ты можешь идти, Жаклина. А уж твоей легкомысленной тетке я непременно скажу, чтобы она в другой раз не подвергала тебя понапрасну любопытным взглядам...

— Но ведь она прислала меня только затем, чтобы прислуживать вам, — сказала девушка. — Я надеюсь, что вы не станете гневаться на тетушку за то, что...

— Черт возьми! — перебил ее дядюшка Пьер, не особенно, впрочем, сердито. — Ты, кажется, намерена со мной спорить, малютка? Или, может быть, тебе хочется подольше полюбоваться на этого молодца? Ступай... Будь покойна: он дворянин и мне незачем принимать от него услуги.

Жаклина исчезла. Ушедшая девушка заняла все внимание Дорварда, прервав на время нить его мыслей, так что, когда дядюшка Пьер, небрежно развалившись в просторном кресле, сказал ему тоном человека, привыкшего повелевать: «Поддай мне поднос», — Дорвард машинально повиновался.

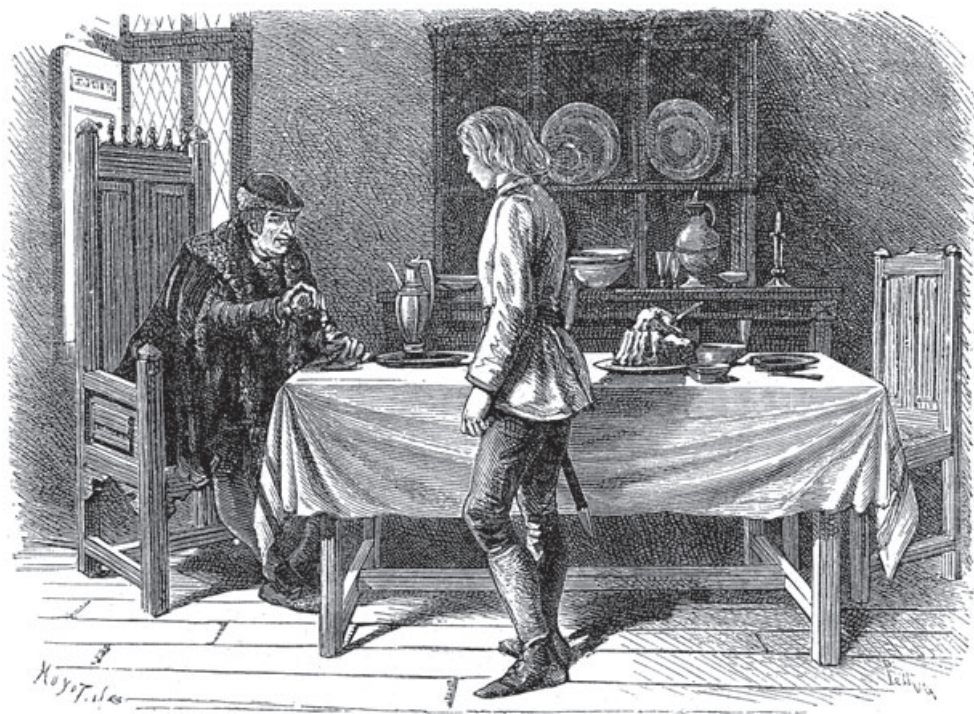
Купец сидел нахмурившись, так что его пронизывающих глаз почти не было видно. Только изредка его острый взгляд сверкал из-под черных нависших бровей, точно яркий луч солнца, прорвавшийся из-за темных туч.

— Прелестная девушка, не правда ли? — сказал он наконец, подняв голову и устремив на Квентина твердый, пристальный взгляд. — Слишком хороша, чтобы быть служанкой в трактире! Она, конечно, могла бы украсить дом любого честного горожанина, да только невоспитанна и низкого рода.

Бывает часто, что одно случайно брошенное слово разрушает построенный нами прекрасный воздушный замок, и нельзя сказать, чтобы мы всегда были благодарны за это слово, хотя бы оно было сказано и без злого умысла. Слова старика смутили Дорварда, и он, сам не зная почему, готов был рассердиться на него за сообщение, что эта прелестная девушка — простая трактирная служанка, как о том свидетельствовали и ее занятия. В лучшем случае она племянница или родственница трактирщика, но все-таки не более чем служанка, обязанная прислуживать посетителям, подчиняться их приказаниям, подлаживаться к их настроениям и угождать им, как она сейчас угождала дядюшке Пьеру, который был не без причуд и, по-видимому, достаточно богат, чтобы требовать исполнения своих прихотей.

Уже не раз Дорварду приходило в голову, что следовало бы дать понять купцу разницу в их общественном положении и заставить его почувствовать, что при всем своем богатстве он не может быть ровней Дорварду из Глен-хулакина. Но странно: всякий раз, как молодой человек поднимал глаза на дядюшку Пьера, он замечал в нем, несмотря на его потупленный взгляд, худое лицо и жалкое, поношенное платье, что-то необычное, удерживавшее его от намерения дать почувствовать купцу свое превосходство. Чем больше, чем внимательнее всматривался в него Дорвард, тем сильнее охватывало его желание узнать, что он за человек, и ему казалось, что старик был по крайней мере синдиком или, возможно, членом магистрата города Тура — во всяком случае, человеком, привыкшим пользоваться уважением и требовать его.

Между тем купец о чем-то глубоко задумался. Очнувшись, он набожно перекрестился, потом съел несколько сушеных слив, закусил сухариком и сделал знак Квентину подать ему кубок. Когда молодой человек исполнил его приказание, он сказал:

— Ты, кажется, говорил мне, что ты дворянин?

— Без всякого сомнения, дворянин, если только для этого достаточно насчитывать пятнадцать поколений предков, как я уже говорил вам, — отвечал шотландец. — Но вы, пожалуйста, не стесняйтесь, дядюшка Пьер: мне с детства внушали, что младшие должны угождать старшим.

— Прекрасное правило, — заметил невозмутимо купец, принимая кубок из его рук. И он не спеша наполнил его водой из серебряного кувшина, не обнаруживая при этом ни малейшего угрызения совести за свою бесцеремонность, как, может быть, ожидал Квентин.

«Однако, черт возьми, что за развязный купчишка! — подумал юноша. — Заставляет прислуживать себе шотландского дворянина, точно это какой-нибудь мальчуган из Глена».

Между тем купец осушил кубок и сказал:

— Судя по тому, с каким рвением ты давеча приправлял свою пищу вином, я не думаю, чтоб ты пожелал выпить со мной за компанию чистой воды. Впрочем, я знаю способ превратить простую ключевую воду в самое тонкое вино.

С этими словами он вытащил из-за пазухи объемистый кошелек из кожи морской выдры и наполнил кубок больше чем до половины мелкой серебряной монетой. Кубок, правда, был не особенно велик.

— Итак, молодой человек, помни, что у тебя гораздо больше оснований быть признательным твоему покровителю святому Квентину и блаженному Юлиану, чем ты до сих пор полагал, — сказал дядюшка Пьер. — Советую тебе раздать во имя их милостыню. Оставайся здесь, пока не по-видаешься с Меченым: после полудня он сменится с дежурства. А у меня дело в замке — вот я кстати и передам ему, что ты его ждешь.

Квентин мысленно подыскивал, в каких бы выражениях повежливее отказать от щедрого подарка, но дядюшка Пьер сердито насупил брови, выпрямился и, закинув голову с видом гордого достоинства, добавил повелительным тоном:

— Без возражений, молодой человек! Делай, что тебе приказано.

С этими словами он вышел из комнаты, сделав Квентину знак, чтобы тот его не провожал.

Молодой шотландец был ошеломлен. Он терялся в догадках и не знал, что ему думать. Первым его движением (самым естественным, хотя, может быть, и не самым благородным) было заглянуть в кубок. Он был почти полон мелкими серебряными монетами. Денег было так много, что Квентин во всю свою жизнь, наверно, ни разу не имел и двадцатой доли такой суммы. Но мог ли он, не унижая своего дворянского достоинства, принять подарок от богатого горожанина? Это был трудный вопрос, ибо, хотя Квентину и удалось плотно позавтракать, ему, однако, не на что было добраться ни до Дижона (если бы, рискуя навлечь на себя гнев герцога Бургундского, он все-таки решился поступить к нему на службу), ни тем более до Сен-Кантена (если бы выбор его остановился на коннетабле де Сен-Поле). Дело в том, что у молодого шотландца было твердое намерение поступить на службу либо к французскому королю, либо к кому-нибудь из этих двух государей. Окончательное решение этого вопроса он собирался предоставить дяде, и в его положении это было самое разумное, что он мог придумать. А пока что он спрятал деньги в свою бархатную сумочку и позвал хозяина гостиницы, чтобы отдать ему серебряный кубок, а кстати и порасспросить об этом загадочном, таком щедром и в то же время надменном купце.

Хозяин скоро явился и оказался на этот раз если и не очень общительным, то, во всяком случае, не таким скупым на слова, как раньше. Он наотрез отказался взять кубок, так как, сказал он, кубок не его, а дядюшки Пьера и тот, надо думать, подарил его своему гостю. Правда, у него тоже есть четыре серебряных кубка, доставшихся ему по наследству от его покойной бабушки, но они так же похожи на эту изящную вещь, как репа на персик, потому что, видите ли, это турецкий кубок работы Мартина Доминика, художника, равного которому не найти и в Париже.

— А кто же этот дядюшка Пьер, делающий такие щедрые подарки чужестранцам? — перебил его Дорвард.

— Кто таков дядюшка Пьер? — повторил хозяин с расстановкой, точно процеживая каждое слово.

— Ну да, дядюшка Пьер! Кто он и с какой стати швыряется такими дорогими подарками? — переспросил Дорвард нетерпеливо и настойчиво. — И кто тот, другой, похожий на мясника молодчик, которого он посылал сюда заказывать завтрак?

— Клянусь честью, сударь, вы бы лучше справились у самого дядюшки Пьера, кто он таков. Что же касается человека, заказавшего завтрак, то да хранит вас Бог от близкого с ним знакомства!

— Здесь кроется какая-то тайна. Этот дядюшка Пьер сказал мне, что он купец.

— Если сказал, значит, купец и есть, — ответил хозяин.

— Какого же рода торговлю ведет он?

— Как вам сказать... Всякую, сударь: есть у него здесь и шелковые мануфактуры, изделия которых поспорят даже с теми тканями, что венецианцы привозят из Индии и Китая. Может быть, по дороге сюда вы заметили тутовую рощу? Ее посадили по приказу дядюшки Пьера для его шелковичных червей.

— Ну а молодая девушка, которая приносила ему завтрак, кто она, мой друг? — спросил юноша.

— Моя жилица, сударь. Она живет со своей опекуншей — теткой или другой родственницей, этого уж я вам доподлинно сказать не могу, — ответил хозяин.

— А разве у вас принято, чтобы постояльцы прислуживали друг другу? — спросил Дорвард. — Я заметил, что этот дядюшка Пьер не пожелал, чтобы ему прислуживали ни вы, ни ваши люди.

— Богатый человек может иметь свои причуды, сударь, потому что у него есть чем за них заплатить, — сказал хозяин. — Эта девушка не первая и не последняя. Дядюшка Пьер умеет заставить прислуживать себе кое-кого и познатнее.

Молодого шотландца покорило от этого намека; однако он затаил досаду и спросил хозяина, нельзя ли отвести ему комнату на день, а может быть, и на более продолжительный срок.

— Разумеется, сударь, — ответил хозяин, — и на столько времени, на сколько прикажете.

— А нельзя ли мне засвидетельствовать почтение моим будущим соседкам, вашим жилицам? — спросил Дорвард.

Хозяин замялся. Этого он не знает, потому что, «видите ли, дамы сами никуда не выходят и у себя никого не принимают».

— За исключением дядюшки Пьера, надо думать? — осведомился Дорвард.

— Не знаю, да и не имею права вмешиваться в чужие дела, — последовал почтительный, но твердый ответ.

Квентин высоко ставил свое дворянское достоинство, хотя у него и не хватало средств с честью поддерживать его; поэтому ответ хозяина задел его за живое, и он решил немедленно придать себе весу в его глазах, показав, что знаком с принятым в то время обычаем вежливости.

— Ступайте, — сказал он хозяину, — передайте дамам мой низжайший поклон вместе с этой фляжкой и скажите им, что Квентин Дорвард из Глен-хулакина, шотландский дворянин и их сосед, просит разрешения лично засвидетельствовать им свое почтение.

Хозяин вышел, но очень скоро вернулся и сказал, что дамы благодарят шотландского кавалера и извиняются перед ним, так как не могут принять ни любезно предлагаемого им угощения, ни, к сожалению, его самого, ибо они вообще никого не принимают.

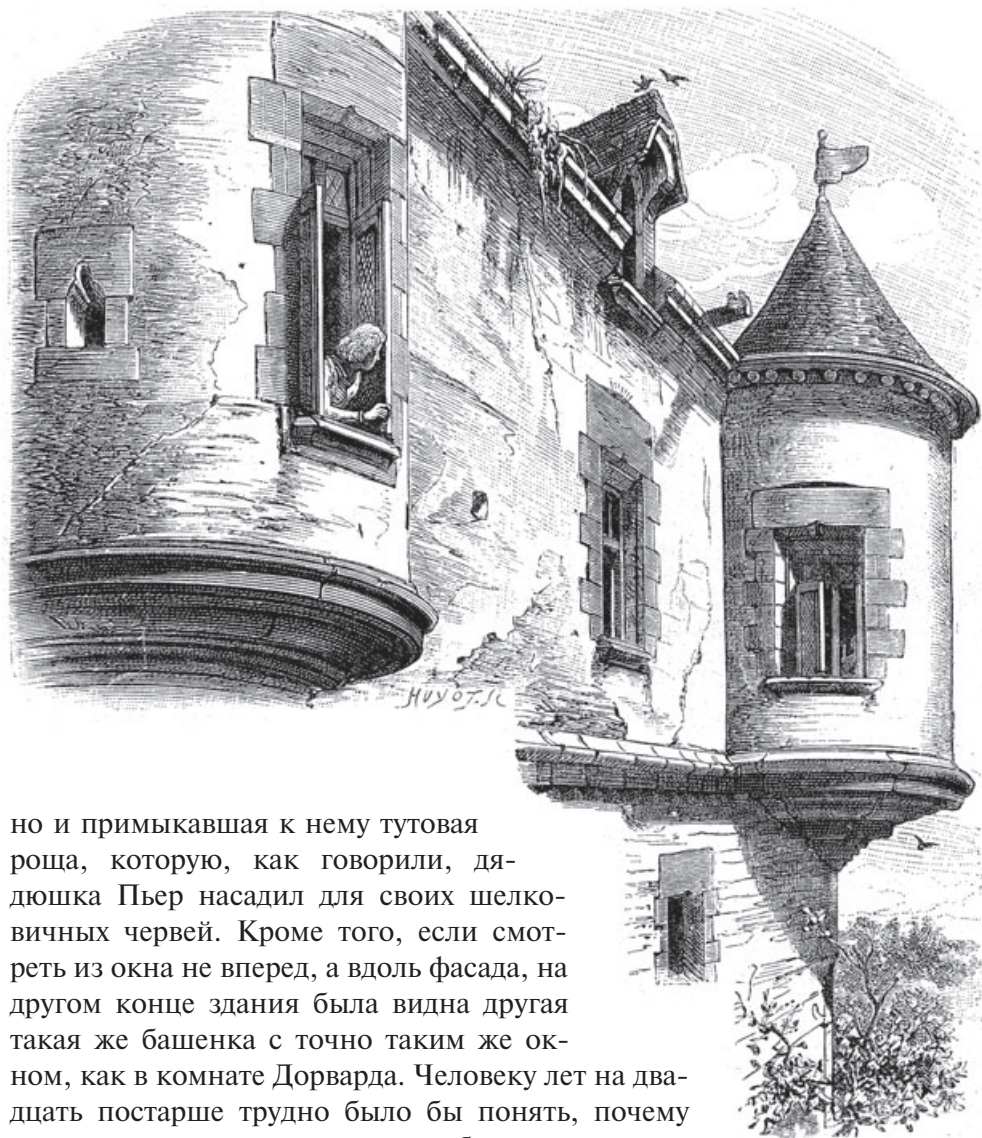
Квентин закусил губу и выпил залпом стакан отвергнутого вина, поставленного хозяином возле него на столе. «Клянусь мессой, удивительная страна! — подумал он. — Купцы важничают и сорят деньгами, словно какие-нибудь вельможи, а путешествующие девицы, останавливающиеся в трактирах, держат себя так, точно они переодетые принцессы! Ну, да уж будь что будет, а я непременно увижу эту чернобровую красавицу!» И, приняв это утешительное решение, он попросил хозяина указать ему его комнату.

Хозяин провел его по витой лестнице наверх, в длинный коридор, куда выходил целый ряд дверей, словно в монастыре; это сходство пришлось не особенно по душе Квентину, в памяти которого еще было свежо воспоминание о скучных днях, недавно проведенных им в стенах монастыря. Хозяин остановился в самом конце коридора и, выбрав ключ из связки, висевшей у него на поясе, отпер дверь и ввел Дорварда в комнату, помещавшуюся в небольшой башенке; комната была, правда, очень мала, но зато опрятна и расположена в стороне от других; в ней стояли небольшая кровать и чистенькая мебель, расставленная в полном порядке. Дорварду она показалась настоящим дворцом.

— Надеюсь, сударь, что вам понравится ваше помещение, — сказал хозяин. — Я считаю своей обязанностью угождать гостям дядюшки Пьера.

— И все это благодаря моему счастливому купанию! — с восторгом воскликнул Квентин Дорвард, как только хозяин вышел из комнаты, и даже подпрыгнул от удовольствия. — Никогда еще удача не была такой желанной, хоть она и явилась ко мне в мокром платье! Судьба положительно засыпала меня своими дарами!

С этими словами он подошел к единственному окну в своей комнате. Башенка выступала вперед за линию фасада, и из ее окна был виден не только красивый, довольно большой сад, принадлежавший гостинице,

но и примыкавшая к нему туговая
роща, которую, как говорили, дя-
дюшка Пьер насадил для своих шелко-
вичных червей. Кроме того, если смот-
реть из окна не вперед, а вдоль фасада, на
другом конце здания была видна другая
такая же башенка с точно таким же ок-
ном, как в комнате Дорварда. Человеку лет на два-
дцать постарше трудно было бы понять, почему
это окно заинтересовало юношу больше, чем кра-
сивый сад и туговая роща. Увы, глаза человека лет
за сорок равнодушно смотрят на маленькое полуоткрытое для прохлады
окно, наполовину завешенное шторой, даже когда это окно слегка защи-
щено ставней от палящих лучей солнца (а может быть, и от нескромных
взглядов) и даже тогда, когда на оконнице висит прикрытая легким зеле-
ным шарфом лютня. Но в счастливом возрасте Дорварда такой необык-
новенный случай, как непременно сказал бы поэт, является уже доста-
точным основанием для тысячи воздушных замков и таинственных дога-
док, при воспоминании о которых человек зрелых лет только улыбается
и вздыхает, вздыхает и улыбается.

Можно допустить, что нашему другу Квентину очень хотелось узнать кое-что о своей прекрасной соседке, обладательнице лютни и шарфа; можно даже предположить, что ему захотелось знать, не та ли это молодая особа, которая с такой скромностью прислуживала дядюшке Пьеру; поэтому неудивительно, что он не стал открыто показывать в окно свое любопытное лицо. Дорвард был опытный птицелов: притаившись у окна, он стал наблюдать сквозь решетчатую ставню и скоро имел счастье увидеть, как прелестная белая ручка протянулась и сняла висевшую на оконнице лютню. Еще минута — и его слух также получил награду за эту хитрую уловку.

Незнакомка из башни — обладательница лютни и шарфа — запела одну из тех старинных песенок, какие певали во времена рыцарства прелестные дамы своим воздыхателям — рыцарям и трубадурам. Слова этих песен не отличались ни умом, ни глубоким чувством, ни полетом фантазии и не могли заставить забыть о музыке, под которую они пелись, так же как и музыка не отличалась глубиной, способной отвлечь внимание от слов: они лишь дополняли друг друга. Ни музыка без слов, ни слова без музыки ничего не стоили, и мы, быть может, поступаем неправильно, приводя здесь слова песенки, которые не предназначались ни для чтения, ни для декламации, а исключительно для пения. Но старинная поэзия всегда имела для нас какую-то неотразимую прелесть, а так как мелодия песенки навсегда утрачена (разве что Бишопу удастся ее разыскать либо воспроизвести, или мисс Стивенс научится у жаворонка щебетать ее для нас), то мы приводим целиком ее простые слова, хотя и рискуем уронить в глазах читателя и себя и прелестную обладательницу лютни.

О рыцарь мой! Все скрыто тьмой,
Миг встречи недалек,
И в час желанный благоуханный
Повеял ветерок.

Покой везде. В своем гнезде
Умолк певец дневной.
Я знаю, это — любви примета,
Но где же рыцарь мой?

Пастух поет. К нему идет
Любимая тайком.
Поет ночами о знатной даме
Влюбленный под окном.

Звезда любви! Лучи твои
Над небом и землей.
Ты все светила огнем затмила,
Но где же рыцарь мой?

Что бы ни думал читатель об этой песенке, она была очень трогательно спета, а нежный голос, сливавшийся с легким ветерком, приносившим в окно благоухание сада, произвел на Квентина чарующее впечатление; лица певицы почти не было видно, и это еще усиливало ее таинственное обаяние.

Песня смолкла. Дорвард, горевший нетерпением разглядеть певицу, сделал неосторожное движение. Звуки лютни разом оборвались, окно хлопнулось, темная штора опустилась, и наблюдениям любопытного соседа был положен конец.

Дорварда глубоко огорчило и удивило это неожиданное последствие его неосторожности, но он утешал себя надеждой, что Дева Лютни не может надолго отречься от своей лютни, которой она владела с таким совершенством, и не захочет быть столь жестокой, чтобы навсегда отказаться от удовольствия открыть окно и подышать чистым воздухом из одного желания лишить соседа своей чудесной музыки. Быть может, к этим утешительным мыслям примешивалась и некоторая доля тщеславия. Если в башенке напротив, как Дорвард сильно подозревал, обитала красавица с длинными черными косами, то в другой башенке — это он знал наверняка — жил молодой белокурый рыцарь, которого он считал и статным, и красивым, и смелым. А из романов — этих умудренных опытом наставников юношества — он знал, что ни робость, ни застенчивость не мешают молоденьким девушкам быть любопытными и интересоваться соседями и их делами.

В то время как Квентин углубился в эти размышления, в комнату вошел слуга и доложил, что его желает видеть какой-то рыцарь.

Глава V ВОИН

Проклятый полон он. Как леопард космат,
В жерле орудия он ищет славу тщетно.

«Как вам это понравится»

ыцарь, ожидавший Квентина Дорварда в той комнате, где он недавно завтракал, был одним из тех людей, о которых Людовик XI любил говорить, что они держат в своих руках судьбу Франции; им была вверена защита и охрана его королевской особы.

Знаменитый отряд стрелков так называемой шотландской гвардии был учрежден Карлом VI, у которого были уважительные причины окружать свой престол чужими, наемными войсками. Постоянные смуты, лишившие Карла VI более чем половины Франции, и сомнительная преданность еще служившего ему дворянства привели к тому, что довериться своим подданным в таком деле, как личная охрана, было бы со стороны короля большой неосторожностью. Шотландцы, наследственные враги Англии, были старинными и, можно даже сказать, естественными друзьями и союзниками Франции. Народ бедный, но храбрый и верный, шотландцы благодаря своей многочисленности легко пополняли убывающие ряды своих воинов, и поэтому ни одна страна в Европе не поставляла столько смелых искателей приключений, как Шотландия. Знатность происхождения большинства шотландских дворян давала им право стоять ближе к особе государя, чем представителям других войск, а их относительная малочисленность не позволяла им поднять бунт и из слуг превратиться в господ.

Помимо этого, и сами французские государи, как правило, старались упрочить преданность этих отборных чужеземных отрядов, оказывая им всякие почести и платя большие деньги, которые те тратили со свойственной воинам расточительностью, стараясь с честью поддержать свое высокое положение. Все шотландские стрелки пользовались дворянскими привилегиями, а близость к королю возвышала их в собственных глазах и поднимала их значение в глазах французов. Они были превосходно одеты и вооружены, у каждого была прекрасная лошадь, каждый имел право и возможность держать оруженосца, пажа, слугу и двух телохранителей. Один из телохранителей назывался «coutelier» — от большого ножа¹, которым он был вооружен, чтобы приканчивать врагов, сраженных в битве его начальником. Окруженные блестящей свитой, шотландские стрелки считались людьми знатными и с большим весом, а так как освобождавшиеся места в их отрядах пополнялись обыкновенно теми, кто уже служил у них в качестве пажа или оруженосца, то и на эти должности часто стремились попасть (под начальство родственника или друга) младшие члены знатных шотландских фамилий, в надежде на быстрое повышение.

В телохранителях служили не дворяне; они набирались из людей более низкого происхождения и рассчитывать на повышение не могли, но им тоже выдавали прекрасное жалованье, и начальники, вербуя их, могли выбирать самых храбрых и сильных из своих же соотечественников, наводнявших в то время Францию.

Людовик Лесли — или, как мы теперь чаще будем его называть, Людовик Меченый, потому что во Франции его больше знали под этим именем, — был здоровый, коренастый человек футов шести ростом, с суровым лицом; огромный шрам, шедший ото лба через правый уцелевший глаз и пересекавший обезображенную щеку до самого основания уха, придавал его лицу жестокое выражение. Этот ужасный шрам — то красный, то багровый, то синий, то почти черный, смотря по тому, в каком настроении находился Людовик Меченый: волновался или сердился, кипел страстью или был спокоен, — сразу бросался в глаза, резко выделяясь на его обветренном, покрытом темным загаром лице.

Он был богато одет и прекрасно вооружен. Голову его прикрывала национальная шотландская шапочка, украшенная пучком перьев, прикрепленных серебряной пряжкой с изображением Богоматери. Эти пряжки были пожалованы шотландской гвардии самим королем, который в один из припадков суеверной набожности посвятил Пресвятой Деве мечи своей гвардии; некоторые историки утверждают даже, что он пошел дальше и возвел Богоматерь в звание шефа своих стрелков. Нашейник его лат,

¹ Нож по-французски «couteau».

налокотники и нагрудники были из превосходной стали, искусно выложенной серебром, а его кольчуга сверкала, как иней ярким морозным утром на папоротнике или вереске. На нем был широкий камзол из дорогого голубого бархата с разрезами по бокам, как у герольдов, и с вышитыми серебром на спине и на груди Андреевскими крестами. Наколенники и набедренники были из чешуйчатой стали; кованые стальные сапоги защищали ноги; на правом боку висел крепкий широкий кинжал (называвшийся «Милость Божья»), а на левом, на богато расшитой перевязи, висел тяжелый двуручный меч. Впрочем, в ту минуту, когда Дорвард увидел Людовика Меченого, тот, сняв для удобства громоздкий меч, держал его в руках, так как правила службы строго запрещали ему с ним расставаться.

Хотя Дорвард, как и каждый шотландец той эпохи, был с детства знаком и с войной и с военными доспехами, тем не менее он должен был признать, что никогда еще не видел такого мужественного и так хорошо вооруженного воина, как брат его матери, Людовик Лесли по прозвищу Меченый. Однако он невольно отступил перед таким свирепым с виду дядей, когда тот пожелал его обнять и, царапая ему щеки своими щети-

нистыми усами, поздравил с благополучным прибытием во Францию, после чего стал расспрашивать, какие новости племянник привез из Шотландии.

— Мало хорошего, дядюшка, — ответил Дорвард. — Но как я рад, что вы меня так скоро узнали!

— Я бы, кажется, узнал тебя, мальчуган, даже если б встретил на Бордоских ландах и если б ты, как журавль, разгуливал на ходулях...¹ Однако садись, садись, дружок! И если у тебя только печальные вести, мы поскорее запьем их добрым винцом... Эй, старый кремь, почтенный хозяин! Подай нам вина, да самого лучшего... живо!

Французская речь с шотландским акцентом так же часто слышалась в те времена в тавернах подле Плесси, как в наши дни французский язык с швейцарским акцентом — в парижских кабаках. Хозяин повинился с такой поспешностью, какую может вызвать только страх, и в один миг бутылка шампанского очутилась на столе. Дядюшка выпил полный стакан, племянник только пригубил, чтобы не обидеть любезно угощавшего его родственника. Он извинился, сказав, что уже немало выпил сегодня.

— Это было бы прекрасным извинением в устах твоей сестры, милый племянник, — сказал Меченый, — тебе же не пристало бояться бутылки, если только ты хочешь носить бороду и намерен сделаться воином... Однако что же это ты, братец! Высыпай-ка свои шотландские новости... Что слышно в Глен-хулакине? Что подельывает моя сестра?

— Она умерла, дядюшка, — печально ответил Квентин.

— Умерла? — воскликнул Меченый, и в его тоне слышалось больше удивления, чем огорчения. — Но ведь она была на целых пять лет моложе меня, а я еще никогда, кажется, не был здоровее, чем теперь... Умерла, говоришь? Удивительно! А я так вот ни разу даже не болел — разве только голова иной раз трещит с похмелья после дружеской попойки... Так сестра, бедняжка, умерла! Ну а отец твой, дружок, конечно, женился?

Но прежде чем Дорвард успел ответить, дядя, вообразив по изумленному выражению его лица, что угадал ответ, быстро продолжал:

— Как, неужели еще не женился? Я готов был поклясться, что Аллан Дорвард не может обойтись без жены. Он любил порядок в доме и, хоть всегда был человеком строгих правил, иной раз поглядывал на хорошеньких женщин. В браке он нашел бы и то и другое. Я ему не чета: за таким счастьем не гонюсь и преспокойно могу смотреть на хорошенькую женщину, не смущаясь мыслью о браке. Я не такой святой.

¹ Костыли или ходули употреблялись в Шотландии для переправы вброд через реки. Крестьяне близ Бордо также пользовались ими для ходьбы по окрестным песчаным равнинам, так называемым ландам. (Прим. автора.)

ОГЛАВЛЕНИЕ

<i>Глава I.</i> Контраст	5
<i>Глава II.</i> Путник	14
<i>Глава III.</i> Замок	25
<i>Глава IV.</i> Завтрак	34
<i>Глава V.</i> Воин	50
<i>Глава VI.</i> Цыгане	62
<i>Глава VII.</i> Стрелок королевской гвардии	79
<i>Глава VIII.</i> Посол	92
<i>Глава IX.</i> Охота на вепря	112
<i>Глава X.</i> Часовой	123
<i>Глава XI.</i> Зал Роланда	136
<i>Глава XII.</i> Политик	147
<i>Глава XIII.</i> Астрология	160
<i>Глава XIV.</i> Путешествие	170
<i>Глава XV.</i> Проводник	181
<i>Глава XVI.</i> Бродяга	191
<i>Глава XVII.</i> Выслеженный шпион	204
<i>Глава XVIII.</i> Гаданье по руке	214
<i>Глава XIX.</i> Город	226
<i>Глава XX.</i> Записка	240
<i>Глава XXI.</i> Разгром	252
<i>Глава XXII.</i> Пир	264
<i>Глава XXIII.</i> Бегство	277
<i>Глава XXIV.</i> Плен	292
<i>Глава XXV.</i> Нежданный гость	305
<i>Глава XXVI.</i> Свидание	315
<i>Глава XXVII.</i> Взрыв	334
<i>Глава XXVIII.</i> Неизвестность	350
<i>Глава XXIX.</i> Пререкания	365
<i>Глава XXX.</i> Неизвестность	376
<i>Глава XXXI.</i> Свидание	393
<i>Глава XXXII.</i> Следствие	404
<i>Глава XXXIII.</i> Герольд	417
<i>Глава XXXIV.</i> Казнь	428
<i>Глава XXXV.</i> Награда за доблесть	436
<i>Глава XXXVI.</i> Нападение	443
<i>Глава XXXVII.</i> Вылазка	454